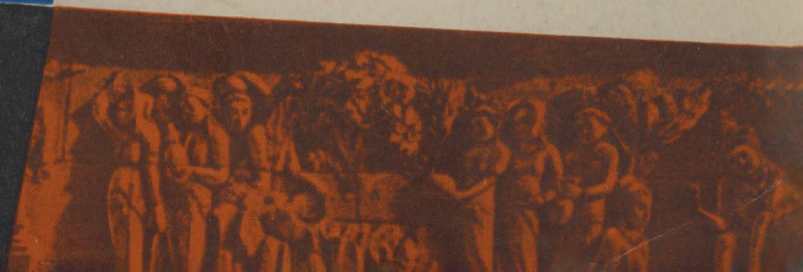

Н. АЛЕКСАНДРОВ

МОРЯМИ ТЕПЛЫМИ ОМЫТАЯ

Сканирование: [Ecce Homo](#)

Обработка: [krestik](#)

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Н.АЛЕКСАНДРОВ

МОРЯМИ ТЕПЛЫМИ ОМЫТАЯ

• Из записных книжек •

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Автор хорошо знает и любит народ дружелюбной нам Индонезии, где прожил не один год.

Тонкая наблюдательность и выразительность зарисовок в очерках подчинены стремлению рассказать читателю о людях, заботливо ухаживающих за ростками нового, рожденного в борьбе против колонизаторов и экономической отсталости.

*Помещенные в книге репродукции акварелей,
скульптур из дерева и кости, а также резьбы по
лаку сделаны с подлинных произведений
народных мастеров Индонезии.
Заставки воспроизведены с рисунков на
пальмовых листьях*

Александров Н. Морями теплыми омытая. Из записных книжек. М., Географ- гиз, 1963. 88 стр. с илл. (Путешествия и приключения).
--

ДЫХАНИЕ ТРОПИКОВ

Джакарта

Далеко на экваторе, на тысячах островов, среди просторов морей и океанов, раскинулась молодая республика Индонезия.

Триста пятьдесят лет колонизаторы жестоко эксплуатировали, терзали индонезийский народ, грабили и расхищали его богатства. Но настал двадцатый век. И на далекие острова на экваторе долетел яркий свет Великого Октября. Разбуженный этим светом, поднялся сто-миллионный индонезийский народ, и под его могучим напором рухнули крепости голландских колонизаторов.

Освобожденная Индонезия стала независимой республикой.

Колониализм оставил после себя море крови и грязи, нищету и невежество. Настала пора освободить землю от этой скверны, сделать ее раем.

В наш век достижения науки и техники изменили представление о расстояниях. Вчера в Москве вы переживали прелесть погожего зимнего дня, а сегодня вы ощущаете здесь, за экватором, дыхание тропиков.

Индонезия, расположенная за двенадцать тысяч километров от Москвы, стала рядом с нами.

Вне зависимости от времени года рассвет здесь наступает примерно в шесть часов.

Картина рассвета не бывает одинаковой.

Иногда, после ночной тьмы, небо открывается в сероватых тучах, сквозь которые блесит солнце. Но чаще оно бывает чистым.

Порой все оно в каких-то розовых полосах, словно волшебник раскинул по нему длинные нежно-розовые

шарфы. Иногда эти шарфы волшебник расстилает на светло-сиреновом, иногда — на синеватом фоне. Потом приходит другой волшебник и мгновенно свертывает все эти прекрасные шарфы, откуда-то прибавляет света. На горизонте медленно начинает подниматься солнце. И тогда все становится видимым ясно и отчетливо.

Ночь наступает так же быстро, как утром приходит рассвет. Горизонт начинает темнеть. Темнота надвигается сразу, словно опять появился волшебник, один за другим выключил рубильники и все погрузил в черноту.

Проходит немного времени — и небо превращается в бездонное и бесконечное. Все ярче мерцают на нем звезды. Луна заливает парк, и ее свет выхватывает красные и белые головки канн, розовые цветы олеандра и ставшие теперь густо-зелеными спокойные, неподвижные кроны деревьев.

Каждый день приходит к людям солнце и сразу начинает работать. Своими добрыми руками оно словно обнимает всю Индонезию, согревая растения, прибавляя тепла и без того теплой воде, высушивая дороги и влажные после ночных рос крыши. Оно убивает микробов, заботясь о том, чтобы люди не болели, были здоровыми.

Но солнце бывает и безжалостным. И тогда оно плавит асфальт на дорогах, обжигает шею, спину и плечи бечаков. Пот заливает им глаза, лицо, заставляет медленней двигаться и искать спасения под тенью дерева.

Среди шума улиц и площадей, в суете машин бечачи встречаются здесь на каждом шагу. Представьте себе подобие велосипеда. Впереди — два колеса, на которых укреплена легкая коляска с тентом наверху. Сзади — третье колесо; над ним — седло; внизу — обычные велосипедные педали, шестерни, цепь. Человек, работающий на таком экипаже, — и есть бечак. Таким видом транспорта перевозятся грузы и пассажиры.

Бечак может доставить пассажира в любой пункт. Днем и ночью крутит он педали; его поливает дождь и обжигают лучи солнца, ему сопротивляется ветер и мешают ухабы на дорогах, а он словно не знает ни усталости, ни уныния. Тяжелый, изнурительный труд. Но по-

пробуйте завтра отменить его. Что будут делать тысячи бечаков? Где найдут они средства, чтобы жить? Все в свое время.

Бечаков нельзя не любить — это мужественное, замечательное сословие. Вот катит щеголь. Он в красной рубашке, с воткнутым в шляпу пером. Его рот, полный белых зубов, — в улыбке всем знакомым и незнакомым. Вот другой — в мятой, но лихо, по-щегоольски надетой фуражке. Или вот этот, в белой майке, состоящей сплошь из заплат, с маленьким красным флажком, прикрепленным к шитку коляски.

Среди бечаков мало людей пожилых: трудно долго выдержать эту изнурительную работу. Но деревня непрерывно пополняет ряды городской бедноты: находится пополнение и для бечаков. По чьей вине несут бечаки свой тяжкий труд? Чье это наследство?

Среди городской бедноты есть и те, кто стоит на более высокой лестнице, чем бечаки. Это различные мелкие торговцы, кустари, все имущество и богатство которых переносится с помощью приспособления, напоминающего коромысло.

Идут с утра продавцы зелени, фруктов.

Спешит с маленькими корзинами свежих орхидей, лиловых и желтых, огненных и коричневых, индонезиец-подросток.

А этому продавцу мало даже тротуара — такое несет он множество громоздких плетеных изделий: корзин, шляп, циновок и прочего добра.

Сколько зарабатывают эти люди? Ничтожно мало.

Двенадцать часов дня. Возле станции железной дороги, в тени строения, раскинут походный «ресторан». Бечаки, мелкие торговцы, продавцы газет расположились здесь, за длинным столом. Хозяин отпускает им скудный обед. Кое-кто выкурит после этого дешевую сигарету, посидит, вытянув ноги и полузакрыв глаза, в блаженном безмолвии — и снова за работу.

Если поехать на базар, то можно увидеть самую разнообразную живность. Ранним утром здесь раздаются шум крыльев и пение птиц, воркованье голубей, крики попугаев. Вот попугаи — красные и белые, крупные, важные, словно чиновники, величественно взирающие на шум толпы. Вот разноцветные попугайчики, маленькие и юркие, они постоянно в движении.

Птицы биу — совершенно черные в своих атласных костюмах.

Маленькие и малюсенькие обезьянки, привязанные легкой цепочкой или томящиеся в клетках.

И, конечно, горластые куры, гуси, утки.

Под навесами, где идет этот торг, — специфический запах, неумолчный шум, теснота.

Можно отправиться на летучие базары, где продают декоративных рыбок. В обычных стеклянных банках из-под консервов собраны здесь жители подводных царств и Явы, и Суматры, и других мест. Так же, как и где-нибудь в Москве, Праге или Париже, стоят около этих сказочных богатств, широко раскрыв глаза, закусив палец, мальчуганы. Они не сводят глаз с обитателей банок.

Здесь и светящиеся, словно неоновые, рыбки, и важные медлительные вуалехвостки, и рыбки черные, как уголь, и рыбки красные, словно рубины, и совершенно прозрачные и бесцветные, и рыбки-петухи, мгновенно меняющие окраску и воинственно распускающие свои плавники и хвост.

Вооруженный маленьким сачком из марли, тонкими темными руками, продавец вылавливает облюбованных рыбок — и новый владелец, окруженный любопытными детьми, бережно идет со своей баночкой. Еще бы: в руках у него частица моря. Ах море, море! Сколько счастья и сколько несчастья принесло ты на своей могучей спине на землю Индонезии!

Республика Индонезия — государство, расположенное в Юго-Восточной Азии на Малайском (Индонезийском) архипелаге. Оно раскинулось по обе стороны экватора между азиатским и австралийским материками на протяжении примерно пяти тысяч километров с запада на восток и почти на две тысячи километров с севера на юг.

Индонезия занимает территорию 1904 тысячи квадратных километров и превышает Великобританию, Францию, Италию, Испанию, Португалию, Ирландию и Грецию, вместе взятые. В составе республики около трех тысяч островов.

Государственные границы республики преимущественно морские.

В связи с тем что Индонезия расположена в районе пересечения двух зон подвижности земной коры, здесь довольно часто наблюдается активная сейсмическая деятельность — извержения вулканов и землетрясения. В стране насчитывается до четырехсот вулканов (главным образом на Яве), в том числе около восьмидесяти дей-

Джакарта!

Город не всегда носил это название.

Раньше чем сюда пришли голландцы, на месте, где теперь Джакарта, был большой порт Сунданезского княжества — Паджаджары.

Пришел сюда султан княжества Бант, захватил город и порт. В честь своей победы султан и назвал город Джакартой, что в переводе означает «великолепная крепость» или «счастливое место». Днем основания Джакарты принято считать 22 июня 1527 года.

Проходит около семидесяти лет. В 1596 году в порту Джакарты бросили якорь первые голландские корабли. Понадобилось всего шесть лет для того, чтобы родилось чудовище, принесшее на благодатные острова колониализм. В 1602 году появилась на свет голландская Ост-Индская компания. Отцом ее был грабеж, матерью — жестокость. Компании принадлежала главная роль во всем, что касалось колонизации Индонезии.

Появились новые слова, новые понятия. Среди них было и такое слово, как фактория. Голландцы и англичане начали создавать первые фактории. Первый шаг белых здесь был первым шагом индонезийцев в кабалу. Не надо объяснять, почему здесь так ненавидели европейцев. Когда мы заплутались в районе Маджуна — это было в прошлом году — и хотели узнать у индонезийцев дорогу, они отворачивались, не отвечая на вопрос переводчика. Не каждая рана застывает быстро, не всякая обида быстро забывается.

ствующих. Извержения вулканов приносят большие бедствия индонезийскому народу, сопровождаются гибелью людей, разрушением городов, сел, дорог, уничтожением посевов, лесов.

Индонезия не знает характерной для более высоких широт смены времен года. Здесь всегда солнце, продолжительность дня почти не изменяется. Разница между самым коротким и самым длинным днем в году составляет всего сорок восемь минут, а среднемесячная температура воздуха на протяжении года остается постоянной, колеблясь в пределах 25,2—26,5 градуса. В столице республики — Джакарте — самая низкая среднемесячная температура бывает в январе и равняется 25,4 градуса, а самая высокая 26,5 градуса — в октябре.

Под знойными лучами тропического солнца происходит интенсивное испарение воды в морях и внутренних водоемах, поэтому в стране очень высокая влажность воздуха. На побережье после полудня жара становится просто невыносимой, давит духота, влажная одежда липнет к телу. Создается впечатление, будто человек в

Здесь сознательно упомянуты фактории английские и голландские; между англичанами и голландцами шла настоящая война — те и другие рвались «помочь» стране.

Война кончилась тяжким происшествием. Голландский генерал-губернатор сжег Джакарту. На ее пепле была построена новая крепость. Сначала крепость называлась Якарта. Позднее ее переименовали в Батавию.

История города в годы колониализма полна темных мрачных страниц. В 1832 году в город непрошеной гостьей пришла страшная эпидемия малярии. Множество людей малярия унесла в могилу.

Упоминание об этом — не только дань истории. Даже и теперь, хотя страна уже сбросила оковы колониализма, в ней имеется еще крайне мало врачей.

Джакарта строилась по голландскому образцу. Город только располагался на земле Индонезии, но он не принадлежал индонезийцам.

Площадь Свободы. В тени парка за красивой железной решеткой стоит большое белое здание с колоннами и просторной каменной террасой. Прежде в нем жил некоронованный король — голландский генерал-губернатор. Теперь здесь резиденция президента республики.

На площади Свободы собираются массовые митинги. Ежегодно 17 августа, в День провозглашения независимости Индонезии, здесь бывают парады и демонстрации.

течение нескольких часов буквально парится в открытой бане. Если не принимать необходимых мер, то от такого чрезмерного обилия влаги сахар и соль растекаются, железные изделия ржавеют, а кожаные вещи быстро перепревают и гибнут.

Но такие климатические условия очень благоприятно сказываются на флоре и фауне страны. Европейского путешественника и туриста при посещении островов Индонезии поражает огромное разнообразие ее растительного мира, особенно в тропических лесах.

Древесных пород здесь насчитывается свыше двух тысяч, а различных цветковых растений известно около двадцати пяти тысяч видов. Под густыми сводами тропических лесов царствуют вечный полумрак и таинственное безмолвие.

В нашем понимании лес — это сплошные массы крон, которые высоко взлетели на стройных стволах вверх, а под ними — мшистая почва. В тропических лесах совсем другое. Здесь наряду с высоки-

Заглянем в здание, занятое штабом военно-морских сил Индонезии. Оно также построено на голландский манер. Это можно прочесть по архитектуре, по важному виду главных кабинетов и зала совещаний, по массивной отделке дома деревом, по высоким спинкам стульев, предназначавшихся для вельмож.

Индонезийцы ранее не имели права служить во флоте даже в качестве младших офицеров; им лишь предоставлялось право мыть добела палубу. Сегодня и в морском, и в воздушном флоте молодые индонезийские кадры. Они водят корабли и управляют самолетами. Они сами командуют своими вооруженными силами. Вчера не было даже младших офицеров индонезийцев: сегодня из их среды есть маршалы и адмиралы.

В Джакарте мы встретили англичан, добропорядочных и очень вежливых, которые терпеливо и убежденно, как имеющие большой опыт жизни в колониях, как знатоки, разъясняли нам свои взгляды по колониальным вопросам. Оказывается, в Англии прекрасно понимают, что надо уйти из колонии. Но вот вопрос: как это сделать?

По мнению этих англичан, многие народы колоний еще не научились и не умеют управлять своими странами, поэтому ими приходится управлять. Как только они поймут премудрость управления, тогда можно будет оставить колонии.

— Но когда? — спрашиваем мы.

— Ну об этом сказать сейчас трудно.

— Но ведь есть опыт Индии и самой Индонезии?

ми деревьями растут и невысокие деревца с пышными кронами. А между ними лианы. Немецкий ботаник, проникший в дебри яванского леса, был так поражен и изумлен богатством растительного мира, что не знал с чего начинать изучение этого многообразия. Каждый шаг его сопровождался новыми открытиями, новыми видами. У деревьев-великанов путешественник видел лишь стволы, а кроны их терялись высоко вверх. Снизу деревья были перевиты лианами, стебли которых свисали, подобно канатам, или, образуя гирлянды, перебрасывались с дерева на дерево. В зарослях из ветвей, лиан и канатообразных воздушных корней устроились всевозможные растения-эпифиты, которые обладают способностью получать питательные вещества и необходимую им влагу, не соприкасаясь с почвой.

Каждый вершок земли между стволами деревьев занят мелкими растениями. Для того чтобы продвигаться вперед, путешественник прибегал к помощи огромного ножа, предназначенного для рубки

— Да, конечно, это верно, но вы сами понимаете, что с другой стороны нас, англичан, это даже обижает. Почему мы должны уйти? Кто же будет заботиться здесь о порядке?

Было что-то упрямо-безнадежное в этих рассуждениях, которые монотонно и бесстрастно лились из-под кажущегося массивным, как чугун, тропического шлема.

А жизнь делает свое дело. И Джакарта — столица независимого государства Индонезии — идет своей новой дорогой. Рано утром на велосипедах и пешком — общественный транспорт развит слабо, да и проезд еще дорог — отправляются на работу железнодорожники, портовики, обувщики, мыловары, рабочие фабрик искусственного льда и других предприятий.

Оживает район Кота — деловая часть города. Здесь расположены банки — массивные серые здания, почему-то напоминающие сундуки. Когда днем банки закрываются, весь район словно замирает — идут лишь одинокие прохожие, появляются отдельные машины.

Здание университета, старейшего на Востоке медицинского института, можно легко определить по тому, что утром сюда стекается на велосипедах и мотороллерах множество юношей и девушек. Они в белых легких костюмах, с портфелями для книг и тетрадей, с торчащими из верхнего бокового кармана авторучками.

В центре города с участием советских специалистов — инженеров, техников, рабочих высшей квалификации —

кустарника. Под сильными ударами валились срубленные кусты, но когда, спустя несколько дней после этого, он снова пришел в те места, то с большим трудом нашел тропу, которую проложил своим ножом. Все уже снова буйно заросло и приняло прежний вечно-зеленый вид.

Поражают высота и мощь тропических лесов. Если в наших лесах высота деревьев достигает в среднем пятнадцати-двадцати метров, а самые высокие деревья не превышают 30—35 метров, то в тропических лесах Индонезии многие деревья имеют высоту шестьдесят и даже восемьдесят метров, а самые высокие деревья, например гигантские эвкалипты, достигают высоты ста пятидесяти метров. Крупнейший экземпляр этой породы, измеренный учеными, имел высоту сто пятьдесят два, а в обхвате — сорок три метра.

Вегетативный период не прекращается круглый год. Здесь произрастают крупнейшие в мире цветы, а некоторые сорта бамбука ежедневно вырастают в длину более чем на четверть метра, пальмовые листья достигают длины двенадцати метров, а некоторые кустарники вырастают до высоты одноэтажного дома.

сооружен стадион. Футбольное поле с трибунами на сто тысяч зрителей; крытый зал на десять тысяч мест; бассейны и множество различных площадок для игр. К стадиону примыкает огромный парк.

«Монумент дружбы народов Советского Союза и Индонезии», — говорят в Джакарте о новом стадионе.

А кажется совсем недавно Никита Сергеевич Хрущев и президент Сукарно торжественно забивали здесь первые сваи. Никита Сергеевич надел тогда брезентовую куртку и рукавицы строителя. А президент Сукарно шутил и говорил, что можно будет по окончании стройки обоим руководителям принять участие в спортивных соревнованиях.

Для кого трудились наши соотечественники? Какая идея, какая сила привела их сюда? Почему многие из них оставили семьи, покинули родной кров и переживали то чувство неизлечимой тоски по родине, которое заслоняет свет и волшебную красоту океана, заставляет проснуться вдруг среди ночи, лежать и часами думать о своей земле, вспоминать мельчайшие в обычной жизни, казалось бы, незначительные и неприметные детали? Сюда их привлекла великая сила идей интернационализма, высокой сознательности советского человека.

Наступает вечер. Фары автомашин прорезают темноту.

Осторожней стараются ехать велосипедисты, потому что у многих из них нет фонарей, а без света в потемках

Животный мир Индонезии также очень многообразен. Однако крупные животные сравнительно немногочисленны. Так, например, тигры встречаются только на Суматре и значительно реже на Яве, слоны и малайские медведи водятся на Суматре и на Борнео. В западной части Индонезии обитают буйволы, олени, тапиры и крайне редко — носороги.

Наиболее распространены обезьяны, среди которых особенно интересен человекообразный орангутанг, что в переводе значит: «лесной человек», «человек дикого леса». На Суматре местные жители утверждают, что орангутанг — настоящий человек, владеющий речью, но он не говорит потому, что боится, как бы его колонизаторы не заставили работать. Рост орангутанга — полтора метра, вес — до ста килограммов. Могучее тело, лишенное хвоста, покрывает жесткая темно-рыжая шерсть. Орангутанг редко спускается на землю, но в отличие от многих обезьян, которые большими стаями стремительно прыгают с ветки на ветку, он передвигается по деревьям, не торопясь, спокойно и весьма осмотрительно.

могут и сбить. Бечаки зажгли карбидные фонари, подвешенные к оси.

Покачиваясь, медленно движется навстречу чуть мерцающий желтый огонек: идет торговец со своим летучим рестораном. Зажглись лампы около лотков уличных торговцев.

Толпы людей, главным образом молодежи, около кинотеатра. А там, где нет ни ламп, ни света фар, — сплошная чернота. Очень многолюдно около городского клуба. Одна за другой подходят сюда машины. Немало людей в праздничной одежде идет пешком.

Зайдем и мы в клуб.

Вместительный зрительный зал — пожалуй, на тысячу человек. Скромное оборудование — деревянные скамьи и стулья. Все пространство вокруг сцены в цветах. Много огромных букетов: цветы в корзинах, гирлянды из цветов.

Проигрыватель в темно-коричневом чехле передает «Интернационал» — все в зале знают эту мелодию, она звучит в наступившей тишине торжественно и победно. И никто не обращает внимания на то, что проигрыватель иногда спотыкается. Все сосредоточено на том, что есть коллектив, единая воля и единое чувство.

К микрофону, головка которого на металлическом стержне поднимается над островком цветов, подходит председательствующий. Как бы проверяя микрофон, он два-три раза щелкает по нему и смотрит через поблескивающие очки в зал.

Живут орангутанги в одиночку или маленькими семьями, ночуя высоко над землей в гнездах из веток и листьев. Как-то один ученый-ботаник проник в дебри тропического леса на Яве. Стояла удивительная тишина, и вдруг он услышал звук, очень напоминавший ему чиханье. Не удержавшись, добродушный ученый крикнул: — На здоровье!

Эффект от этого проявления вежливости был очень неожиданный. Огромный перепуганный орангутанг, ломая сучья и испуская жалобные крики, быстро метнулся вверх. Ученый был явно смущен, что назойливой вежливостью так перепугал своего дальнего родича. Характерно, что еще десятки тысяч лет назад в Индонезии на острове Ява обитало первое из известных человеческих существ, так называемый питекантроп — обезьяночеловек, останки которого обнаружил на Яве в 1891 году известный голландский ученый Дюбуа.

В реках Индонезии часто встречаются крокодилы и кайманы. Водится невероятное количество змей. Гигантские питоны, достигающие восьми метров в длину, королевская кобра и другие.

Тихим и спокойным голосом, каким говорят про человека, находящегося здесь, рядом с нами в этом зале, председательствующий произнес:

— Наше Общество дружбы пригласило вас на этот вечер, чтобы отметить день рождения Владимира Ильича Ленина.

Этим было сказано все: и любовь к Ленину, и вера в будущее, и призыв к борьбе.

Портрет

Бесцветные свинцовые глаза. Точный пробор светлых, почти рыжих волос; лысина тщательно скрыта. Он в безукоризненном костюме и белоснежной рубашке. Под воротничком — тоненький черный шнурочек от монокля.

Он невысок ростом. Когда встает со стула, разгибается медленно: возраст и радикулит дают себя знать. Поднявшись, сразу старается принять стройный, подтянутый вид: сказывается долгий, более чем двадцатилетний срок службы в экспедиционных войсках в Индии.

Его жена высокая, густо напудренная дама с острыми бегающими глазками. Она обожает своего мужа и при всяком случае убежденно повторяет его мысль о том, что есть народы, которые еще нуждаются, чтобы ими управляли белые.

Жарко, и наш собеседник снял пиджак.

— Вы, то есть западные державы, получали за год в Индонезии прибыли почти столько же, сколько составлял весь ее национальный доход.

— О нет, — говорит человек в белоснежной сорочке, — это, очевидно, какая-то ошибка.

— Почему ошибка?

Мы протягиваем собеседнику тоненькую книжечку в светло-коричневом переплете, густо заполненную цифрами.

— Вы хотите сказать, цифры упрямая вещь? — улыбается собеседник собственной находчивости и добавляет:

— Но если рассуждать о Великобритании, то она далека от таких доходов. У моих соотечественников есть здесь плантации каучука. Но представьте себе — плантации еле дают семь процентов в год. Ужасно!

— Но, может быть, плантации еще молодые и не набрали силы?

— Да, конечно. Лучшие сборы плантация дает в 25—30 лет. Тогда и доходы наших людей повысятся. Но...

— Вы хотели что-то сказать?

— Позвольте, я хотел лишь спросить: кто теперь может сказать, что будет не через двадцать лет, а через два года? Ужасно!

Пауза. Затем снова тянется нить разговора. Фразы кажутся ножнами, в которых скрыты клинки.

— Много ли здесь ваших соотечественников? Как они живут?

— Думаю, что более тысячи человек.

— Может быть, им уже нет смысла оставаться здесь, в изнурительной жаре? Тем более что доходы от плантации стали такими ничтожными.

— Затрудняюсь ответить вам, — говорит собеседник. — Многие из наших людей живут здесь не потому, что им нужны доходы; они так любят эту страну, так любят ее народ! Им очень трудно с ней расстаться.

Жарко, и собеседник вытирает платком крупные капли пота на лысеющем лбу.

Настала пора закончить визит. Мы прощаемся. Наш собеседник стоит на лестнице и машет рукой вслед машине, отъезжающей от старинного, построенного в голландском стиле белого особняка.

Случай на улице

В Индонезию регулярно ходят советские корабли, чаще всего из Одессы. Многие из кораблей заходят в Тунджунг-Приокпорт, расположенный в 30 км от Джакарты.

Если вы окажетесь в порту вечером, то увидите множество огней на кораблях. В темную ночь, когда трудно различить воду, кажется, что эти огни не на кораблях, а где-то на улицах города. Создается впечатление, что перед вами не море, а продолжение города с его огнями.

Каждому моряку интересно посмотреть новый город да к тому же после долгого путешествия почувствовать под ногами землю. Но при всем этом моряк должен и на корабль возвращаться вовремя: служба есть служба.

И вот случилось однажды, что моряк замешкался на берегу, а когда посмотрел на часы, времени оставалось так немного, что попасть в срок на корабль можно было только с помощью транспорта.

Но где его взять?

В городе много бечаков.

Наш моряк подбежал к стоянке. Как он объяснялся, не в том суть. Важно лишь, что через мгновение бечак сидел в качестве пассажира, а моряк, заняв его место, всю крутил педали, чтобы вовремя попасть на корабль.

Ведь моряк не мог опоздать. Но он не мог и позволить эксплуатировать индонезийца.

Когда нам рассказали эту историю, один товарищ усомнился в ней и посоветовал проверить.

История эта была.

Но даже если допустить на мгновение, что этой истории и не было, то не говорит ли этот рассказ, переданный нам индонезийцами о том, каким представляет себе этого человека индонезийский труженик?

Цветок красной орхидеи

Мы были в гостях у страстного любителя природы.

Весь его дом окружен орхидеями. Орхидеи встречаются вас у порога; они размещены в банках, стоящих у входа в дом; они словно улыбаются вам нежно и приветливо.

Орхидеи встречают вас в доме. Орхидеями заполнен и весь маленький сад, примыкающий к строению. Тонкие изящные стебли, украшенные цветами самых необычайных расцветок, тянутся вверх. Чуть дальше от цветника, на том же самом участке, множество птиц.

Красный попугай с гордым видом, похожий чем-то на священника из Ватикана, который в часы официальных дипломатических встреч на аэродроме, где-либо в розовой шапочке, в белой сутане, перетянутой таким же розовым поясом.

Белый попугай с хохолком, напоминающим мягкий шарик на детской вязаной шапочке, хлопотливо бегал по двору среди множества клеток, загончиков, скакал через черное упругое тело шланга, что-то бормотал, вертелся под ногами хозяина, поглядывая на него.

Хозяин невысокого роста, крепкий, с гладко зачесанными назад волосами. Военный летчик, он совсем не похож на военного человека среди таких мирных картин.

— Почему птица не улетает? — спрашивали мы хозяина.

— Сам не знаю, — лукаво говорил офицер, хотя он прекрасно знал, в чем дело. Попугай не улетал потому, что добрый человек полюбил птицу, ухаживал за ней и приручил ее.

В клетке сидели, словно одетые в черные шелковые платья, птицы биу с ярко-желтым клювом, величиной с маленького голубя. Они очень способны и быстро обучаются говорить. Словно подчеркивая это, в ответ на приветствие хозяина одна из птиц отчетливо начала выговаривать:

— Биу! Биу!

Когда были осмотрены все эти маленькие владения, хозяин пригласил гостей к столу. Чуть наклонившись, мягким жестом рук указывая нам путь, хозяин настойчиво призывал гостей первыми переступить порог дома.

На маленьком низком столике были расставлены индонезийские блюда: курица в остром соусе; крабы в своем красном панцире; крупук — нежный, хрустящий, чуть розоватый, приготовленный из сухеных рачков. Было и сатэ — мясо, напоминающее шашлык, только оно готовится здесь не на металлических шампурах, как это делается у нас, а на деревянных палочках. Был, конечно, и рис — национальное блюдо, обязательная пища и бедных, и богатых.

За столом мы услышали много поучительного.

— Вы спрашиваете, — говорил хозяин, — почему мы так настойчиво зовем вас войти в дом первыми? Это мы делаем потому, что вы — наши братья. «Далеко от глаз — близко к сердцу», — говорит наша пословица.

— Но голландцев, — в глазах хозяина вспыхнул огонек, — мы пропускали в дом первыми для того, чтобы спасти себя и свою семью, свой дом и свои посевы.

Он подошел к стене и снял черную рамку с выцветшим изображением. Приглядевшись, мы могли рассмотреть портрет уже немолодого индонезийца в типичной яванской шапочке и длинной одежде.

— Это наш далекий прадед, — сказал хозяин. — Видели в саду красную орхидею, около маленького во-

доема? Вы еще сказали, что ее цвет словно цвет моркови. На том месте, где растет орхидея, был убит мой прадед.

— А почему все-таки вы звали колонизатора войти в дом первым? — спросил один из гостей.

Хозяин решил закурить. Вспыхнул огонек зажигалки и осветил лицо его в горькой усмешке. Он встал, вышел на террасу и нагнулся над деревянным ящиком, в котором мирно спали пестрые щенки. Их мать мгновенно в несколько прыжков очутилась около ящика. Она опрокинулась на спину, но шерсть на ее шее сердито поднялась.

— Защищает детей, — ласково улыбнулся хозяин, — даже мне не доверяет.

Потом он продолжал:

— Перец — это золото. А земля — это сто раз золото. Мы не звали голландцев в свою страну. Они сами пришли к нам. Зачем? Чтобы ограбить нас. Когда индонезиец шел в свой дом первым, то нередко грабитель всаживал ему нож в спину. Индонезиец умирал, семью его выбрасывали; грабитель забирал имущество хозяина. Так было во времена голландцев. Тогда у индонезийцев выработалась привычка — идти в дом после колонизатора, чтобы не подвергать себя смертельной опасности.

Хозяин подошел к другому простенку. Здесь в простой раме был портрет Патриса Лумумбы, вырезанный из какого-то журнала. Лумумба был запечатлен со своей милой улыбкой. Почему-то казалось, что он деликатен и говорит тихо, не повышая голоса.

— Вот Лумумба, — говорит хозяин, — был очень доверчив и поплатился за это. Я сказал своему сыну: если тебе представится случай, брось камень в тех, кто убил этого человека. Ты должен мстить за него.

Когда мы уходили, была поздняя ночь. Все в садике слилось. Только цветок красной орхидеи, словно маленький маяк, сверкал в темноте.

Пропасть

Это было днем после обеда.

Как всегда, щедро грело индонезийское солнце. За окном стоял шум улицы. Началось с разговора о танцах.

— Я хочу сказать откровенно, — начал индонезиец Азиз, — что индонезийские танцы для меня не интересны. Подумайте, что это такое, — и он сделал жест

пальцами, повторяющий движение танцовщиц: медленные, словно застывающие.

— Это дело вкуса, — заметил другой собеседник. — Но даже рождение нового искусства не будет означать отказа от лучших традиций, от культурного наследия, которым располагает народ.

— У народа есть свои заветные кладовые. Он собирает туда по крупице самые дорогие сокровища. И то, что попадает в копилку народа, — хранится веками.

Кто-то вмешался в разговор и спросил:

— А какой будет новая культура Индонезии?

— Очевидно, она будет развиваться как культура различных частей Индонезии. Из этой культуры будет создаваться новый сплав. Но теперь, может быть, легче будет выплавлять такой сплав. Даже в века колонизаторов не замолкли песня и гамеланг и не умерли танцы на Яве и Бали. Вам не приходилось видеть, как растение, развиваясь, пробивается даже сквозь трещину в асфальте? Так велика сила жизни! А народ — это не маленькое хрупкое растение.

Этот спор и эти слова затронули Азиза. Он курил непрерывно и забывал стряхивать пепел в пепельницу.

— Пожалуй, — после раздумья сказал он, — нам очень трудно будет совершать путь к новому.

Обращаясь к советским гостям, Азиз продолжал:

— Возьмите меня или подобных мне, я ведь не одинок! Я не помню, где я родился, но я знаю, что меня кормили голландским молоком. Я окончил голландскую среднюю и высшую школу. День за днем во мне уничтожали индонезийца. Вам это странно слышать, но до двадцати трех лет я был убежден, что обязательно женюсь на женщине только голландского происхождения. Я считал низким жениться на девушке индонезийке.

Он долго молчал, а потом продолжал:

— Стыдно сознаться, но я должен сказать вам об этом: даже и теперь, когда остаемся вдвоем с женой, мы разговариваем только по-голландски.

Мне вспомнился другой эпизод.

Видный ученый-индонезиец приехал в Москву. Здесь он встретился со студентами индонезийцами и был очень обрадован их успехами в учебе.

— Советский Союз обладает передовой наукой — познавайте эту науку и вы, — призывал он студентов. —

Но не забывайте свою мать Индонезию, не изменяйте вере наших отцов.

Колонизаторы воспитывали в своих школах и университетах молодых индонезийцев так, чтобы убить в них любовь к Индонезии, к традициям и обычаям народа. Вот почему ученый-индонезиец так болел за национальные традиции. Но он еще не понял великого гуманизма советской школы, воспитывающей молодежь любой страны в духе любви к своей родине.

Ученый-индонезиец не успел ясно увидеть пропасть, разделяющую две школы.

Идут дожди

Когда беседуют об Индонезии, то говорят о солнце, о том, как жарко в этой стране. Но в Индонезии бывают не только солнечные дни. Здесь есть и сезон дождей, который тянется четыре-пять месяцев — примерно с октября до апреля.

Дождь имеет свои прелести.

В ночной тишине шумят струи воды, ударяя по крыше. На темном небе — ни одной звезды. Все улицы затихают. Только неугомонные бечаки иногда нарушают молчание своими звонками или какой-то одинокий уличный торговец начнет предлагать неизвестно кому свой товар.

У дождей есть свои голоса.

То вдруг начнется такой ливень, который заглушает и шум улицы, и вой вентилятора. То вдруг закапают с крыш такие звонкие и отчетливые капли, словно поет множество флейт, и каждая из них исполняет свою особую мелодию.

А порой дождь идет почти бесшумно. Если выглянуть в окно, то можно увидеть, как прыгают капли и как каждая капля, падая в лужицу, вызывает крохотный фонтанчик.

На острове Бали нам привелось послушать игру оркестра гамеланг*.

Музыканты — их было около двадцати человек — сидели со своими инструментами, как здесь и принято, на полу, поджав под себя ноги. Все они были одеты в

* Гамеланг — национальный индонезийский музыкальный инструмент.

одинаковые национальные костюмы. Оркестр исполнял народную мелодию «Золотой дождь». В ней можно было слышать и раскаты грома, и шум водопада, и песню дождевых струй.

Но это не была чисто описательная музыка. Своим творчеством народ опоэтизировал природу и нашел для этого прекрасные музыкальные краски. В оркестре особенно выделялся флейтист. Люди замирали от восторга, когда этот пожилой индонезиец с улыбающимися глазами начинал мелодию, полную удивительной нежности и чистоты.

Капля сама по себе ничтожна. Но когда капля соединяется в сплошной ливень, тогда на улицах появляются целые озерки и бегут ручьи. В сильный ливень в городе образуются целые реки, через которые с трудом пробираются автомобили.

Не раз дождь застигал нас на дорогах за городом. Струи воды вставали, словно стена. Под их ударами останавливались стеклоочистители. Нельзя было что-либо рассмотреть впереди, и нередко водитель вынужден был пережить.

Если человек не вооружен наукой и нет у него в руках сильных машин, созданных индустрией, природа порой начинает издеваться над ним, показывать свою грозную силу и могущество.

Однажды на Восточной Яве мы переезжали через маленькую речку. Сезон дождей кончился — наступил сухой период. И без того маленькая речонка теперь и вовсе обмелела. Струйка воды еле тащиась по каменному дну. Ребятишки не могли здесь не только искупаться — они с трудом набирали воды в ладошки, чтобы смочить лицо и голову.

Но здесь же можно было ясно прочесть и следы разгула слепой стихии. От старого моста уцелело лишь немного обломанных бревен. Террасы рисовых полей опустели, от деревни на берегу остались только кучи мусора. Кое-где можно было лишь угадать места, когда-то занятые жилищами крестьян.

В другой раз мы поднимались над районом наводнения на самолете. Лишь кое-где, на возвышенностях, виднелись кроны деревьев, крыши домов.

В сезон дождей проводятся сборы в пользу пострадавших от наводнения. Где-нибудь, часто поблизости от

большого города, на шоссе появляются своего рода заслоны. Молодые люди, юноши и девушки, как правило, в белых костюмах с металлическими кружками через плечо, останавливают машины. Они получают ту или другую сумму, опускают ее через отверстие в наглухо запечатанную кружку и наклеивают бумажку на ветровое стекло — знак того, что вы свой долг выполнили.

Все это, конечно, полезно. Но разве этих небольших средств достаточно для того, чтобы обуздать слепого и безжалостного хищника, способного мгновенно разметать мост, разрушить плотину и растерзать деревню, ставшую у него на пути? Нет, здесь нужны другие, более сильные меры. И правительство молодой республики принимает эти меры.

В Джакарту прилетели советские эксперты-инженеры. Теперь они вместе с индонезийцами готовят узду и упряжку на этого дикого богатыря. На могучей горной реке Асахан на острове Суматра строятся крупнейшая в стране гидроэлектростанция, плотина и алюминиевый завод. И тогда заставят эту бурную реку не растрачивать свою энергию на разрушение мостов и деревень, а давать ток предприятиям и жилищам, плавить металл.

И когда Асахан и другие реки индонезийцы заставят трудиться на благо человека, тогда жители знойной и прекрасной Индонезии с еще большей радостью будут слушать красивую мелодию «Золотой дождь», и не страшны им будут дикие разгулы стихии.

Встреча с молодежью

Отправляйтесь в утренние часы на улицу Саммба к дому № 4 в Джакарте. Вот какую картину вы здесь увидите.

Из многих концов города подъезжают сюда молодые люди. Одни идут пешком, другие едут на велосипедах, третьи — на мотороллерах. Это студенты. Иногда на мотороллере едут вдвоем и оживленно беседуют. О чем? Может быть, о вчерашней встрече с ней, может, о фильме или спортивных соревнованиях — в конце концов между друзьями всегда найдется много тем.

Водители мотороллеров имеют свой почерк.

Иногда двое молодых людей виртуозно проскакивают в потоке транспорта, обгоняя старенькие, задыхающиеся, словно от астмы, такси; неожиданно появляются перед самым радиатором комфортабельного мерседеса или шевроле, вызывая ругань шоферов.

Девушки порой едут, непринужденно усевшись боком, заложив ногу на ногу так, чтобы туфелька свешивалась, рискуя вот-вот свалиться с ноги. Молодые люди из среды учащихся или служащих любят носить в верхнем кармане авторучку или карандаш. Еще лучше, если можно иметь две или даже три авторучки, в таком случае владелец их выглядит особенно солидно.

Как и все высшие учебные заведения Индонезии, университет в Джакарте за последние годы значительно вырос. В нем обучается около пятнадцати тысяч студентов.

Вы входите во внутренний двор. Здесь — учебные здания в строгом чередовании с небольшими зелеными площадками. Чтобы укрыться от солнца, некоторые скамьи с легкими навесами.

По просьбе студентов и профессоров в университете был прочитан цикл лекций о советской культуре.

...Подведен итог, сказана последняя фраза. Теперь можно задавать вопросы — выйти на трибуну и сказать, что тебя интересует, с чем ты не согласен, что тебе неясно. Конечно, для этого нужны смелость, уверенность — ведь трудно заранее сказать, как встретят твои рассуждения, твой вопрос. А неясного и неизвестного все-таки много: все о чем-то спорят, что-то обсуждают, и каждый день со всех концов мира летят разные сообщения — трудно во всем этом разобраться, но разобраться нужно.

К трибуне быстро идет молодой человек в очках, со взглядом, выражающим непреклонную решимость. То, что он хотел сказать, написано у него на листочке бумаги. Но сейчас он оставляет листочек свернутым в трубочку, которую нервно мнет:

— Индонезия — мусульманская страна, вы это знаете. Мусульмане, как и коммунисты, желают мира. Но не притесняют ли у вас мусульман? Правда ли, что в Советском Союзе все должны быть неверующими?

Мертвая тишина. Слышно, как по центру зала, провозжаемый взглядами, возвращается на свое место студент. Сидящий в первом ряду профессор устремил

взгляд на лектора. Его сосед сосредоточенно смотрит в пол, ожидая ответа.

Нужно иметь в виду, что индонезийцы в подавляющем большинстве мусульмане, и только лишь около десяти процентов населения исповедует другие религии. Христиан — католиков и протестантов, проживающих преимущественно за пределами Явы, — насчитывается около трех миллионов, индуистов — свыше миллиона, буддистов — около миллиона. Кроме того, среди отдельных народностей распространены примитивные религии, обожествляющие силы природы. Поэтому ответ на заданный вопрос должен быть полным и исчерпывающе ясным.

— Когда в Ленинграде были президент Сукарно и министр Насутион, они ходили молиться в мечеть. Но в Ленинграде мусульман мало. Их больше на востоке СССР — в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, отчасти в Киргизии, Казахстане. Живут они также в Татарии и в Башкирии.

В Узбекистане, особенно в Самарканде, Бухаре, сохранилось до наших дней много замечательных памятников старой мусульманской культуры.

Никто в СССР не может притеснять верующих — будь то православные, католики, мусульмане. Бессмысленно бороться против религии каким-либо принуждением.

— Но я бы попросил вас, уважаемые студенты и профессора, помочь мне найти ответ на вопрос. Наш друг правильно сказал, что мусульмане хотят мира. К несчастью, несправедливые, захватнические войны бывали много раз. И они — страшное горе. Почему же всеисильные боги не могут спасти людей от этого зла?

Когда идет война, каждый верующий просит пощады своей родине. Но кому должно помочь небо, если мусульмане выступают против мусульман?

Ответов не нашлось.

На трибуне появился застенчивый молодой человек и робко спросил:

— Правда ли, что в СССР рабочие и крестьяне не имеют никакой домашней обстановки, что в СССР нельзя иметь личную собственность?

Ответ лектора:

— Коммунизм выступает против той личной собственности, которая помогает эксплуатации человека чело-

веком, которая делит людей на эксплуататоров и эксплуатируемых. Но коммунизм выступает за хорошую, обеспеченную и культурную жизнь для всех тружеников — и для рабочих, и для крестьян, и для интеллигенции. Если в СССР нет личной собственности, то куда же там деваются выпускаемые каждый день в огромном количестве автомобили, мотоциклы, велосипеды, приемники, телевизоры, холодильники и другое добро?

Выражение напряженности на лицах студентов исчезло. Вот это здорово! В самом деле, куда же девается все это богатство?! И студенты аплодируют: становится так шумно, что председатель вынужден стучать карандашом по стакану, призывая к тишине и порядку.

Тем временем из задних рядов, от двери, не ожидая приглашения, торопливо шагает резкий в движениях какой-то взвинченный молодой человек. Он сразу, как иногда говорят, насккивает на своего оппонента.

— Скажите, — говорит он задиристо, — почему у вас не издали роман Пастернака «Доктор Живаго?»

Он быстро убегает с трибуны под дружный одобрителный шум в задних рядах.

«Что-то теперь скажет лектор», — думают студенты, предвкусывая интересное.

А лектор начинает откуда-то издалека.

Он рассказывает про отца Бориса Пастернака, известного русского художника, одного из первых иллюстраторов произведений Льва Толстого. Он говорит про первые стихи поэта Пастернака, полные веры в революцию и силы народа. Он называет Пастернака одним из лучших переводчиков стихов.

— Теперь про другую сторону жизни, — говорит оратор. — Вы знаете, сколько крови пролил ваш народ за вашу свободу, сколько жизней унесла борьба. Вы здесь потому, что многие из тех, кто сражался против колониализма, уже никогда не встанут. Как бы вы отнеслись к вашему писателю, если бы он стал глумиться над гибелью людей и стал бы рисовать картины борьбы, войны неправдиво, фальшиво?

Кто-то начинает аплодировать.

— Кого вы знаете из лучших писателей Советского Союза?

Откликаются быстро: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Чехов, Достоевский.

— А кто вам известен из современников?

Пауза.

— Горький! — кричит кто-то.

— Шолохов, — называют в другом ряду.

— Остановимся на минуту, уважаемые слушатели. Вы называли Михаила Шолохова. Вы ведь слышали о нем раньше, чем о Пастернаке?

— Да, конечно, — соглашается аудитория.

— А кто лучше пишет?

— Шолохов! — кричат студенты.

— А почему же Шолохова не называют кандидатом на получение Нобелевской премии? Как вы думаете — почему?

— Над этим надо подумать! — кричит кто-то.

В аудитории становится шумно, раздаются аплодисменты, слышен смех.

А тем временем во многих местах поднимаются руки желающих сказать, и к трибуне идет новый оратор. Он благодарит за лекции. Но он хочет узнать, почему же всегда надо все связывать с политикой?

— Ах, опять эта идея искусства для искусства, — безнадежно машет рукой руководитель кафедры литературы.

Ответ лектора:

— А как вы сами думаете, желание присудить премию Борису Пастернаку — искусство или политика?

Снова возникает шум, и снова надо стучать карандашом по стакану.

— Представим себе, — продолжает лектор, — что здесь происходит собрание, посвященное освобождению Западного Ириана от колонизаторов. Ведь это исконная территория Индонезии. Народ возмущен тем, что голландцы не уходят оттуда. И вот на таком собрании просит слова поэт и начинает читать про красивое небо, райских птиц и прочее. Как вы к нему отнесетесь? Конечно, нужна и лирика, но нельзя в поэзии жить вне времени и пространства.

— Хорош будет поэт, если, глядя на то, как борется народ, он будет говорить: «Меня политика не интересует. Вы боритесь, а я тем временем полюбуюсь на звезды, на луну, на орхидеи».

Кажется, найден общий язык — в аудитории слышны гул одобрения, аплодисменты.

Студенты шумно выходят на улицу. На какое-то мгновение можно увидеть улыбающиеся глаза, прощальный взмах рукой.

Да, трудно разобраться в этом беспокойном мире. Но разобраться можно и нужно.

И друзья едут, забыв в этот час про футбол, про последний фильм-боевик, и продолжают о чем-то спорить, может быть, о трудном положении богов, которые иногда не знают — кому же надо помочь и кого надо наказать.

А может быть, и про то, какая это удивительная, манящая чем-то к себе страна — Советский Союз.

Бандунг

Из Джакарты вы долго выбираетесь по шумным, забитым до крайности автомашинами, бечаками улицам на магистраль, ведущую за город.

Один за другим остаются позади населенные пункты, каучуковая роща, и машину начинают обступать небольшие горы.

Сейчас они в тумане. Это смягчает очертания, и от этого горы кажутся голубоватыми, особенно привлекательными и спокойными. Где-то по дороге на фоне горного пейзажа вы встретите одинокую пальму.

На полях занятые работой крестьяне. Идет сбор урожая, и люди работают со всем старанием. Соломенные шляпы с огромными полями помогают крестьянам спастись от зноя.

Издали видна женщина, неторопливо, размеренным шагом идущая по сухой бровке, среди полей, затопленных водой. Она в красном шарфе, с ребенком на руках и с пищей в узелке. Женщина несет обед хозяину дома, работающему, как и другие, в поле.

Дорога в Бандунг ведет через многие интересные места.

Вот город Богор, который находится недалеко от Джакарты. Климат здесь прохладнее, чем в Джакарте или в других районах. В праздничные дни город очень оживлен. Посетителей привлекает ботанический сад — краса всей Юго-Восточной Азии. Сад был заложен в 1817 году. Теперь в нем собраны тысячи пород деревьев. Гербарий располагает многими тысячами видов растений.

Кажется странным, стоит неимоверная жара, а в парке вы можете найти такие аллеи, где и в полдень царят сырость и полумрак.

Королевский цветок — орхидея — представлен здесь в таком изобилии, какое, может быть, не снилось ни одной королеве. В многочисленных, хорошо оборудованных оранжереях собрано множество видов орхидей. Здесь царство красоты и изящества, грации и красок нежнейших тонов. Специалисты уверяют, что богорская коллекция — одна из ценнейших в мире.

Шумно у входа в парк в воскресный день. Здесь полно уличных торговцев: у них можно купить дешевые леденцы и воздушные шары для малышей, изделия кустарей из кости, дерева, металла, коллекцию бабочек. Если бы такие рисунки и расцветки, какими обладают бабочки, можно было воспроизвести на тканях!

На улицах неумолчный звон бубенчиков. Ими украшены маленькие, напоминающие пони, лошадки. Запряженная в крытую яванскую двуколку — сидо, лошадка бодро бежит по извилистым улицам.

После гулянья в парке пора подкрепить свои силы. Целая семья — отец, мать, шестеро детей мал мала меньше — расположилась в тени деревьев на зеленой траве. Молодая парочка устроилась на скамейке. Салфеткой служит газета. Вот другая многочисленная семья устроилась около маленького пруда. Папаша уже мирно дремлет, закинув руки за голову, а мамаша хлопотливо кормит малышей.

Люди более состоятельные отправляются в рестораны и кафе.

Остановимся на Пунчаке. Здесь высшая точка горного перевала. С высоты прекрасно видно всю долину, возделанную рукой великого труженика — индонезийского крестьянина. Это он проложил своей мотыгой убегающую вдаль дорогу. Его многовековым трудом созданы плантации каучука и эта роща кокосовых пальм, эти террасы рисовых полей и ирригационные сооружения.

На Пунчаке стоит благословенная для этих краев прохлада. Ночью даже приходится укрываться легким одеялом. Здесь невольно вспоминается прелесть жизни в среднерусской полосе.

От Пунчака идет длинный спуск. Проходит около двух часов — и вы в Бандунге. Этот город — центр За-

падной Явы. В нем примерно миллион жителей. Весь город разместился на плато, на высоте свыше 600 метров над уровнем моря.

Если выехать на окраину и подняться к чайному домику, то перед вами предстанет весь Бандунг в его замечательном зеленом наряде, окруженный цепью гор. На север от Бандунга виднеется вулкан Тангкубан Прац (Перевернутая лодка). Чем-то притягивает к себе это серое от пепла место, где можно своими глазами увидеть застывшую лаву, ее изгибы и трещины.

Бандунгскую котловину со всех сторон окружают высокие горные цепи, склоны которых заняты под плантации чайного листа и хинного дерева. Чудесные пейзажи и живительный горный климат всегда привлекали в Бандунг и окрестные города многочисленных туристов и отдыхающих.

В окрестностях Бандунга находится знаменитая Лембангская обсерватория — единственная обсерватория в мире, расположенная на экваторе.

В Бандунге есть университет, Академия пластического искусства, текстильный и технологический институты.

В апреле 1955 года в Бандунге состоялась историческая конференция двадцати девяти стран Азии и Африки.

Бандунгская конференция проходила в здании Мердека, которое расположено на одной из центральных улиц города. Зал обычный для заседаний, с трибуной для выступлений, местами для президиума, ложами для дипломатов и прессы. С этим залом связано много важных для индонезийского народа событий.

Политическая свобода без мощной экономики не может быть настоящей свободой.

— Если мы хотим строить новое общество, — рассуждают передовые индонезийцы, — нам надо поднимать экономику, развивать хозяйство, создавать индустрию.

И вот в Комитете национального планирования нам показывают две стопы одинаково переплетенных книг в мягких обложках. Это восьмилетний план развития экономики Индонезии — многомесячный труд армии экономистов.

В Бандунге на заседании Народного консультативного Совета происходило подробное обсуждение плана. Раздавались голоса в пользу концессий; были предложе-

ния использовать так называемый аргентинский способ — отдать нефтяные источники в эксплуатацию иностранцам и доход в этом случае делить пополам.

В здании отеля, где остановились члены Совета, в те дни было особенно оживленно. Люди уходили и приходили с ворохом бумаг, ожесточенно спорили за чашкой кофе, пристраивались на низеньких диванчиках и на ходу делали всякие расчеты и подсчеты, вели до глубокой ночи неторопливые беседы — светились огоньки сигарет. Уже готовили зал для утренних посетителей, а люди продолжали свои споры, высказывали сомнения, выясняли плюсы и минусы.

Совет пошел своей дорогой — важно не сбиться, важно теперь удержаться на ней. Было решено искать средства для выполнения восьмилетки так, чтобы сохранить самостоятельность и независимость страны. Метод делить доходы пополам от новых концессий был отвергнут.

В том же зале, где была конференция 1955 года, состоялось заседание Комитета солидарности стран Азии и Африки. Когда делегаты вошли в зал, они увидели на сцене портрет Лумумбы. Он был изображен во весь рост, словно двигался навстречу делегатам в зал, сжимая кулаки, призывая к борьбе за землю своих предков, за свободу и счастье новых поколений.

А через несколько дней на рабочем собрании маленькая худенькая девочка в белом платье с распущенными волосами читала стихи о Лумумбе:

Народ, ты силен,
Восстань, народ,
Пришел час расплаты
С поработителями!
Кровь Лумумбы, огонь
Деревень зовут нас к борьбе!

Девочка поднимала лицо вверх, к небу. Ее глаза были широко открыты. Ее ручки были подняты, сжаты в кулаки.

И когда она закончила читать стихи и побежала бегом за сцену, текстильщики, химики, железнодорожники поднялись со своих мест, возгласами приветствуя борьбу за победу, до полного разгрома угнетателей-колонизаторов.

В конце февраля

Календарь стоит на коричневом, отполированном до блеска столе. На листке его — 28 февраля — последний день зимнего месяца.

Сегодня у нас свободное время. Лучше всего в такой день поехать в Богор, насладиться видом ботанического сада, подышать свежим воздухом, полюбоваться причудливыми очертаниями гор.

Через час с небольшим мы уже в Богоре. Нас окружают вековые деревья. Мощные кроны дают надежный приют маленьким косулям, спасают их от палящих лучей солнца и от проливных дождей. Косуль, изящных, одетых в светло-коричневый с белыми пятнышками мех, развелось здесь множество. Не обращая внимания на пешеходов и даже на автомобили, мирно пасутся в парке олени. С вершины огромного дерева одна за другой взлетают летучие мыши.

Все кругом цветет. Стоят изящные, с самыми причудливыми очертаниями и нежной окраской розовые, красные, как кровь, сиреневые, голубые и коричневые орхидеи. Высоко поднимаются зеленые стрелы бамбука. Водоемы украшены плотными листьями, несущими на себе белые, желтые, фиолетовые цветы. Это лотосы. Здесь же крупные листья виктории-регии.

На террасу дома, где мы расположились, входит гость, только что прибывший из Москвы. Желая порадовать нас — а это действительно доставляет нам радость, — он достает последний номер «Правды». С понятным волнением хотим мы узнать, что происходит в Москве, что нового в нашей далекой стране.

На одной из страниц заголовок: «Начались полевые работы». Заметка сообщает о том, что на юге приступили к пахоте.

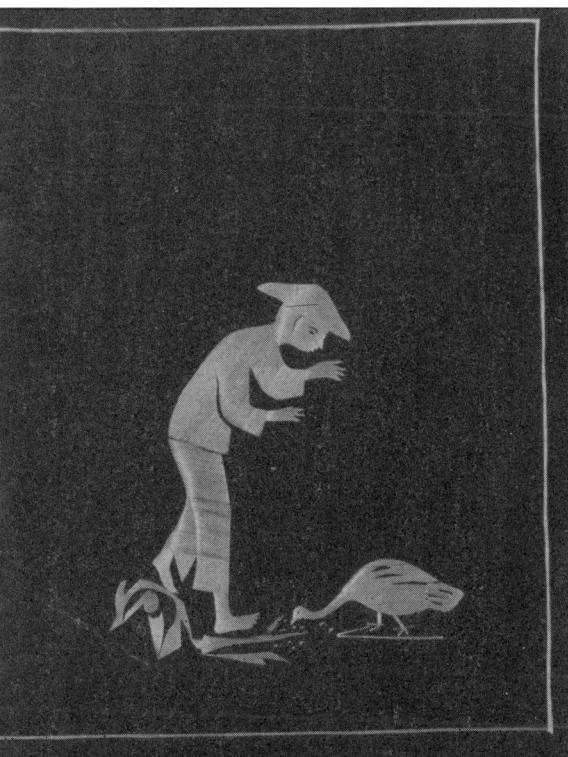
Мы смотрим на окружающую нас природу и улыбаемся: как трудно представить, что где-то сейчас еще бушует вьюга и поля спят под снежным покровом. И в то же время тоска щемит сердце, потому что нет рядом белых берез и не видно могучих елей, надвинувших на себя по самые брови шапки и закутавших свои плечи плотными снежными шальями.

Сердце у человека одно. Но сколько настоящей и большой любви к людям оно вместит теперь, когда весь

Танцовщица.
Искусство острова Бали

Картинка из народной жизни.
Сделана из рисовой соломки.
Народное искусство
острова Ява

народ великой Страны Советов стал интернационалистом и когда свой долг он видит в том, чтобы помогать всем народам мира, которые двинулись в трудный путь свободы!

Чимлати

На острове Ява есть местечко, которое носит название Чимлати... Это название идет от протекающей здесь речки. Чи — по-индонезийски — река; млати — жасмин, то есть — река-жасмин.

В самом деле, Чимлати очень поэтическое место. Дорога к нему проходит через небольшой населенный пункт. Обычные для Индонезии, побеленные снаружи, одноэтажные домики с глубокими, защищающими от солнца террасами. Такие же, как где-нибудь под Курском, озабоченные наседки около домов, только здесь они длинноногие и с длинными шеями. Пожилой крестьянин в майке, выцветшей добела, пристроился за домом жарить сатэ.

Миновав селение, вы делаете поворот и оказываетесь около бассейна. Вокруг него — несколько домиков, цветущие деревья, террасы рисовых полей. В некотором отдалении — покрытые зеленью горы, сейчас они словно задернуты легкой голубоватой дымкой.

В бассейне — чистая вода. Она бежит сюда из Чимлати. В знойный день нет ничего приятней, чем купание в этой свежей воде, из которой вы словно вбираете в себя всю силу и прелесть жизни.

С нами сегодня путешествует целая компания малышей. Узнав, что рядом есть маленькое озерко, ребята отправляются на разведку. Через некоторое время они приходят с добычей. В стеклянных банках из-под консервов у них полно рыбок — и мальков, и взрослых. В нашей стране таких рыбок называют гуппи. Самочка гуппи — небольшая, серенькая, а самец еще меньше, с красивым ярким петушиным хвостом и такими же цветными плавниками. Рыбки, которых мы наблюдаем в Москве только в аквариуме, здесь живут в обычном водоеме. Много здесь и золотых рыбок величинной, пожалуй, с маленькое блюдо. Дети бросали им кусочки хлеба, рыбы с азартом толкались и стремились вырвать добычу друг у друга.

ПРОДОЛЖАЙТЕ БОРЬБУ

Паттимура

Сохранился один портрет Паттимуры — поясной.

Перед вами человек с короткими гладкими волосами, умным взглядом. В правой руке у него обнаженный меч.

Давно это было.

Нет такой слоновой кости, которая никогда не треснет.

Нет таких колонизаторов, которых нельзя разгромить.

Сейчас это легко говорить, потому что сотрясается и рушится здание колониализма. А Паттимура говорил об этом очень давно.

Наверно, вам не посчастливилось побывать на Молукках? Какое здесь море! Вода так чиста и прозрачна, что сверху отчетливо видно его дно.

А растительность!

Рвется вверх бамбук. Тяжело висят на бананах связки плодов, ожидая, пока человек сорвет их.

Стоят грандиозные пальмы. Лишь изредка, когда теплый ветер принесет запах синего моря, пальмы встряхивают своими вершинами. Так милая и скромная красавица встряхивает головой, поправляя волосы: при этом она даже не подозревает, сколько прелести в этом ее движении.

Но вот вдруг приходит сюда чужестранец.

И своя земля становится не своей.

И перец нельзя растить и собирать. Чужое и новое слово «монополия» словно вытаптывает посевы и прокладывает дорогу в тюрьму для непокорных. И хозяином в доме индонезийца стала бедность, и стол ему стал ненужен, как ненужен он нищему, не знающему, чем он будет сыт завтра.

Нет такой слоновой кости, которая никогда не треснет.

Томас Матаулессия, или капитан Паттимура, поднял против колонизаторов восстание. С боем захватил он крепость в Саларуа с названием Дюрстееде, которое не признавали и ненавидели индонезийцы.

Колонизаторы возмущены. Как это случилось? Как это могло произойти? Разгромить непокорных, поймать и казнить зачинщиков, и прежде всего Паттимуру, — так распорядились они.

И вот уже двинулись новые военные части, пошли новые парусники к берегам далеких Молукк.

В мае 1817 года войска колонизаторов встретились с повстанцами. Паттимура разгромил противника, потерявшего только убитыми до пятисот человек.

А тем временем с одного острова на другой, словно на крыльях, неслась слава о народном герое. Под его знамена стекались новые отряды храбрецов. На Молукках Паттимура был признан лидером революции и командующим народной армией.

Был еще один центр борьбы — остров Нусалаут.

Здесь во главе движения выступил раджа Абубу. Народная легенда донесла рассказ о том, что Абубу в его сражениях постоянно сопровождала дочь Кристина.

Трудно было Абубу вести борьбу против колонизаторов. Несмотря на героизм, повстанцы были разгромлены. Голландцам удалось захватить крепость Бевервейк. Раджа Абубу был схвачен. Его казнили на глазах у Кристины.

Вместе с другими пленниками Кристина была отправлена на корабле на остров Яву для работы на плантациях. Теперь Кристина жила в неволе, вдали от родины. Ранним утром, когда небо еще розовеет, выходила она на работу и возвращалась поздно вечером, в потемках на ощупь отыскивала глиняную кружку. Сколько так можно выдержать? Девушка погибала. Но ни разу с момента казни отца и до последней минуты она не застонала даже во сне.

Когда Кристина умерла, тело ее друзья бросили в море. Люди хотели свободы для ее духа.

Несмотря на тяжелые порой удары, силы повстанцев росли. Огонь восстания готов был перекинуться через моря на другие острова. Что было делать? Напуганные

колонизаторы принимают меры. Они предложили вести переговоры. Для чего? Конечно, не для мира. Нужно было обмануть повстанцев, выиграть время и накопить силы.

Против восставших выступил адмирал Бюласкес. Под его командованием были самые сильные по тем временам военные корабли, которые были в распоряжении голландцев. Кровавопролитные бои разгорелись в Сапаруа, Порто, Хариа, Оув-Улат.

Но герой Паттимура сложил голову не на поле брани.

Колонизаторы искали змею среди жителей островов. Но змея не любит хижину из циновки и дневной свет: змею нашли во дворце. Для раджи кошелек с золотом был дороже, чем родная земля. Раджа обманом завлек Паттимура в свой дом и выдал его.

Когда Паттимура был схвачен, его отвезли на остров Амбон. Этот остров весь сверкает в зелени, окружен голубым чистым и спокойным морем. Амбон стал могилой Паттимуры.

В последний час голландцы решили убедить героя и трех его братьев по крови прекратить борьбу.

— Если вы признаете вашу вину и согласитесь с властью Голландии, мы вам даруем жизнь, — предлагали колонизаторы.

Паттимура, Латумакина, Ребое и Саид Принтах предпочли смерть. Родная земля им дороже, чем жизнь.

— Продолжайте борьбу!

— Мускатный орех и гвоздика должны произрастать!

— Народ должен быть свободным!

Так передают в легендах последние слова Паттимуры. Так нам рассказывали об этом на Амбоне, где всегда сияет солнце и синее безмятежное море.

Прошло много лет. Родина Паттимуры, за счастье которой он сложил свою голову, стала свободной. И если когда-то Паттимура и его храбрецы могли бить колонизаторов, то где сказано, что теперь индонезийцы не могут бить колонизаторов еще сильнее?

16 мая в Джакарте в клубе собралось множество индонезийцев, чтобы почтить память сына своего народа.

Благодатные Молукки прислали на этот вечер свои богатства.

Вот бесчисленные в своем многообразии раковины.
Вот кораллы — они словно сказочные яркие кружева.

Вот райская птица с ее дивным оперением.

Вот целый уголок из растений.

Давно нет Паттимуры в живых. Но сегодня в новой Индонезии народ помнит о нем.

И создается такое впечатление, что Паттимура и его боевые друзья находятся здесь же, в этом зале, и вместе со всеми, радуясь и улыбаясь, празднуют великий День свободы.

Дипонегоро

Образ его воссоздал художник Басуки Абдулах. Мы видели это изображение и во дворце президента, и в хижине простого крестьянина на острове Калимантан.

На картине изображен всадник в белой одежде с горящими глазами, устремленный вперед. Черный конь под ним вздыбился. Всадник звал народ за собой.

Это было в 1825—1830 годах на острове Ява. Здесь вспыхнуло восстание против колонизаторов. Руководил восстанием сын султана Джокьякарты принц Дипонегоро. Он был молод и силен; ему не было еще двадцати лет.

Крестьяне искренне верили, что он может бесследно ускользнуть от врагов.

— Если это не так, — рассуждали в индонезийских деревнях, — то почему же нашего Дипонегоро никто и нигде не может поймать? Ведь он воюет уже пять лет.

Да, крестьянам было над чем задуматься.

День шел за днем, а Дипонегоро со своими неуловимыми отрядами летал по Яве. Голландцы считали свои потери многими сотнями солдат, а конца восстаниям не было видно.

Тогда они стали захватывать землю индонезийцев шаг за шагом. В захваченных районах колонизаторы создавали форты. Эти форты были нужны для новых операций против повстанцев. Здесь отсиживались голландцы в моменты нападений: это были и базы, откуда начинались операции, чтобы отрезать дорогу, окружить восставших.

Словом, на Яве шла настоящая война.

...От Джокьякарты, одного из крупнейших городов Индонезии и прежней ее столицы, до Магеланга — города, с именем которого связана большая страница истории народа, — примерно 50 километров.

Дорога очень красива. Всюду зелень, деревья. В долинах — рисовые поля. В отдалении тянутся горы и холмы. Они то прячутся за деревьями, то вдруг появляются снова, освещаемые мягким, уходящим солнцем.

В этот вечерний час дорога очень оживлена.

В огромных широкополых шляпах идут закончившие работу крестьяне. Вот пожилой крестьянин, вооруженный длинным бамбуком, гонит с поля уток.

Подростки со стадами возвращаются домой.

В речке ребятишки купают буйволов, испытывая от этого огромное удовольствие.

Прежде чем попасть из Джокьякарты в Магеланг, необходимо проехать мимо Боробудура — памятника древней культуры и архитектуры Индонезии. Интересная подробность — все это огромное многоэтажное здание сложено из каменных плит без какого-либо раствора.

Когда мы поднимаемся на одну из самых высоких террас храма Боробудура, то перед нами будет отчетливо видна небольшая правильной формы гора. Название горы — Тидар. Вершина ее напоминает шляпку гвоздя.

— Гора Тидар, — говорят крестьяне, — это гвоздь, которым прибили Яву. Иначе остров уплыл бы в океан.

Вернемся, однако, к цели нашего путешествия.

Мы уже в Магеланге. Свернем с основной магистрали, сделаем еще один поворот — и перед нами дом, который связан с именем Дипонегоро. Дом имеет большую и удобную террасу, с которой открывается замечательный вид.

Войдем в дом. Одна часть его сохраняется в неприкосновенности в том виде, как это было, по народным преданиям, при Дипонегоро. В центре комнаты — небольшой стол. Вокруг него — четыре кресла. Одно из них накрыто старым полуистлевшим чехлом. По преданию, на этом кресле сидел Дипонегоро. На стене, напротив террасы, — портрет героя. Здесь же маленький стол, на котором стоит несколько чашек. Одна из них принадлежала Дипонегоро.

Недалеко от входа — шкаф для платья. Здесь висит светло-серого цвета плащ героя.

Друзья индонезийцы рассказали нам историю трагической гибели Дипонегоро.

Голландцы знали, какой любовью и популярностью пользуется бесстрашный Дипонегоро среди крестьян. В открытых боях он был непобедим, в темные ночи оставался неуловим. А когда старосты объявили в деревнях, сколько можно получить за голову принца, крестьяне или уходили молча, или смеялись.

Колонизаторы пошли на предательский шаг. Они пригласили Дипонегоро в тот самый дом, который здесь описан, якобы для переговоров.

В солнечный день, когда в природе все сверкало, Дипонегоро пришел в дом с группой самых верных и самых близких его соратников. И едва переступили они порог, как стало ясно: Дипонегоро попал в ловушку. Его верные друзья обнажили оружие. Они выхватили индонезийские кинжалы и готовы были телом защищать своего любимого вождя.

— Если ты погибнешь, кто поведет нас на борьбу? — говорили соратники.

— Не надо, — сказал Дипонегоро, — вы видите, что силы неравны. Они хотят вас отпустить, уходите и продолжайте борьбу. Это будет полезней, чем ваша гибель.

Вдали от родной Джокьякарты, в тюрьме на острове Сулавеси, погиб Дипонегоро.

Но его портрет вы увидите и во дворце президента, и в доме простого крестьянина.

Выдумка и быль

В одном из районов Джакарты, недалеко от большой магистрали, находится кладбище Героев. Ровные ряды могил под серыми плитами. Спокойные, словно застывшие в вечном молчании, деревья. Кровавой дорогой шел народ ко дню своего освобождения. И каждый год в День свободы Индонезия вспоминает тех, кто умер для того, чтобы жил народ.

Хищник выпустил свою жертву из когтей не потому, что в него, как это бывает в сказках, вдохнули душу ягненка. Дело было в другом. Плантации так полыхали,

недовольных было так много, что приходилось придумывать спектакль-сказку. Разыграть ее решили на голландской сцене.

Его Величество Лицемерие вышло на сцену. Была объявлена церемония «передачи» суверенитета Индонезии. Кровопийцы надели одежды ангелов, сшитые лучшими портными Европы. Палачи натянули нейлоновые перчатки. Дамы украсили свои костюмы самыми знаменитыми голландскими тюльпанами.

Была дана команда священнослужителям — восславить торжество разума и справедливости и постараться во всю...

И вот в один прекрасный день звон колоколов и бой курантов в городе Амстердаме возвестили о том, что восемьдесят миллионов индонезийцев могут чувствовать себя хозяевами в своем доме.

Но в этот момент, как всегда бывает в таких случаях в сказках, неблагодарные индонезийцы взяли оружие в руки и сказали, что надо до конца бороться за свободу родины, и прибавили лишние всякой лирики слова о том, что надо окончательно разгромить империализм и колониализм. «И высокая гора рухнет, если ее подкапывать каждый день», — вспоминали при этом индонезийцы свою пословицу.

Но колонизаторы не могли «бросить» бедную Индонезию на произвол судьбы. Они еще долго не покидали эту страну — до тех пор, пока неблагодарные индонезийцы сами не вытолкали бывших господ в шею.

Священнослужители обиделись и перестали бить в колокола. Они и теперь еще считают, что никто не погиб за Индонезию, а могилы борцов за свободу выдумали неблагодарные индонезийцы.

В горах

Наступила вечерняя пора, когда горы уже темнеют, птицы отдыхают и крестьяне уходят с полей.

Мы шли по дороге, заросшей сухой колючей травой и засыпанной в колеях серыми острыми камнями. Миновали деревенскую лавчонку, где можно купить и соленую рыбу, и разноцветные конфеты, и развесной чай, и дешевую обувь, и плетеные сумки. Хозяин, старик

индонезиец, сидел около своего заведения и молча смотрел на птиц, томящихся в высоких клетках.

Миновали трубопровод, по которому с гор вниз шла вода, и здесь встретили крестьянина. Он был молод. Синие парусиновые штаны на нем были изодраны и перепачканы глиной. На мотыге, которую он держал на плече, засохли комочки краснозема.

— Возвращаюсь домой с поля, — сказал он, отвечая на вопрос, — ходил обрабатывать бананы.

— А этот участок, — показали мы на клочок земли, где зеленели всходы лука, — тоже твой?

Крестьянин ответил утвердительно.

— Да ты, друг, богач! — в шутку сказал кто-то.

— Какой я богач? Разве богачи ходят в таких штанах? — не поняв шутки, возразил крестьянин и показал на свой перепачканный, изодранный костюм.

— У меня шестеро детей, а работаю я один. Много там не заработаешь, — показал он на стоявшую вверху маленькую чайную фабрику, из ворот которой вереницей шли окончившие работу женщины. — На два килограмма риса и то не хватит.

Подошел второй крестьянин — беззубый, в трусах и старой, очевидно, кем-то подаренной пижаме.

Снова поздоровались. Стало уже почти темно. Отчетливо можно было видеть большое зарево костров на соседней горе. В сторону этой горы прошла большая группа крестьян — старых и молодых, вооруженных палками. У некоторых на поясах болтались крисы.

— Куда они идут? — поинтересовался наш спутник индонезиец.

— В горы, помогать солдатам, — ответил крестьянин в пижаме.

Он охотно рассказал, что в горах окружили банду мятежников. Костры зажгли солдаты, чтобы мятежники не могли уйти.

— Бандитам сказали, — пояснил крестьянин, — чтобы они шли вниз, иначе мы их всех перебьем.

— Откуда ты это знаешь? — спросили у словоохотливого крестьянина.

— Я был на почте, — простодушно и в то же время хвастаясь своей осведомленностью ответил он, — и слушал, как командир говорил об этом со своим начальником по телефону.

— Что же теперь будет? — тревожно спросил крестьянин в изодранных штанах, очевидно, беспокоясь за судьбу семьи.

— Они спустятся с гор и сдадутся, — уверенно сказал крестьянин в пижаме, — им нечего есть, а голод страшнее, чем солдаты.

Необходимо сказать, что на территории Индонезии долгое время орудовали, подстрекаемые колонизаторами, банды мятежников. Эти банды нарушали мирный труд индонезийского народа и отнимали много сил для борьбы с ними. В последнее время мятежники разгромлены.

Стало свежо. Наступила полная темнота, и огонь костров вспыхнул еще ярче.

Крестьяне мирно курили и продолжали разговор.

Они знали, что у бандитов нет патронов и другого снаряжения. В деревнях ведь ни патроны, ни порох не изготавливаются: «откуда-то» все это надо привозить.

Очевидно, рассуждали они, «откуда-то» лодки перестали ходить по морю. Да и самолетов давно не слышно с тех пор, как подбили американца.

— Какого американца? — любопытно спросили мы, и опять тот же крестьянин в пижаме ответил:

— Если вы будете в Амбоне, спросите полковника, он все вам расскажет.

На следующее утро мы прилетели на Амбон. А встретиться с Питерсом, командующим войсками округа, уже не составляло труда. Питерс был, как многие индонезийцы, невысок ростом, но широк и коренаст. Все на нем было пригнано, все сидело ловко и складно, начиная с пилотки и кончая гимнастеркой защитного цвета, оттюженной до блеска.

Американец, о котором мы слышали от крестьянина, был летчик по фамилии Поуп. Мятежники нанимали его и платили за каждый вылет.

Поупу это нравилось. Он вылетал расстреливать крестьян, собиравшихся на базаре. Однажды он расправился с крестьянами, выходящими после молитвы из мечети. Люди эти были беззащитные. Поупу они ничего не могли сделать. А он получал за каждый вылет, накапывая деньги либо на покупку дома, либо для того, чтобы открыть бар. Очевидно, это обошлось бы ему в несколько сот убитых индонезийцев.

Крестьяне проклинали Поупа, грозя и негодуя, какая же мать могла родить такого изверга и подлеца!

Конец истории наступил быстро. Поуп отважился напасть на индонезийский корабль, и в этот момент его самолет был подбит огнем зениток. Питерс показал нам островок, на который выбросился в тот момент американец. Островок сверху казался крошечным, он сплошь зарос пальмами. На них-то и опустился Поуп; здесь его поймали и потом судили.

Через два дня мы возвращались обратно. Около чайной фабрики навстречу нашей машине по обочинам дороги шли, вытянувшись длинной лентой, сдавшиеся мятежники — потные, осунувшиеся, с угрюмыми лицами. Их окружали солдаты-автоматчики и окрестные крестьяне.

А за фабрикой совсем неожиданно встретили мы своего знакомого — беззубого индонезийца в старой пижаме. Заметив нас, он прекратил работу и отложил в сторону нож, которым резал траву.

— Сдались! — весело воскликнул он, кивнув головой в сторону шедших по дороге людей.

— Как высоко ни бросить камень, он все-таки упадет на землю. Так и наши помещики. Как они ни брыкаются, но придется им с землей проститься. А если не дать крестьянину землю, какая же это революция?

Мы распрощались с крестьянином в пижаме, и машина тронулась по знойной дороге, на которой местами от жары потемнел и расплавился асфальт.

ЭТО НЕ ЭКЗОТИКА

Поездка на Бали

В Сурабаю можно попасть из Джакарты и самолетом, и поездом, и автомобилем, и пароходом. Мы решили отправиться пароходом.

Вы прибываете в порт Танджунгприок. От дальних причалов в море идет длинный узкий рукав. У причалов корабли многих стран. Стоит и наш советский корабль «Партизан Бонивур»: новенький, чистый щеголь в белом костюме, совсем не похожий на обычный товаро-грузовой корабль. Только что встали на рейд три японских теплохода, а дальше — американские, польские, английские суда.

В море корабль выводил лоцман. Вот он уже явился на борт — невысокий индонезиец в форменной одежде. На нем белоснежный китель, фуражка, белые короткие штаны и белые гетры — общепринятая форма для лоцманов в портах тропических стран.

Лоцман спокойно и уверенно сделал свое дело, сказал на прощание «о'кей», по всяческому трапу быстро и ловко спустился вниз и прыгнул в подошедший к борту корабля старенький, выдавший виды катер.

Корабль «Партизан Бонивур» взял курс на Сурабаю. Перед нами раскинулось Яванское море. Сначала оно было синеватым, а затем ярко-зеленым. Солнце припекало очень сильно, но корабль шел быстро, и в открытом море жары не чувствовалось. Смеркаться стало около семи часов. И снова повторилась та волшебная картина, которую мы уже не раз видели в Индонезии: только здесь, на море, эта картина была еще ярче.

Солнце село. Горизонт стал нежно-розовым. А дальше небо окрасилось в палевые, нежно-голубые, бирюзо-

вые тона. И рядом были подвешены темные, почти черные облачка, словно где-то курили сказочные великаны и пускали из своих трубок клубы черного дыма.

На бледном еще небе появилась первая звезда, потом зажглась вторая, третья... А затем уже все небо над нами было усеяно множеством ярких звезд.

Стояла безмолвная тишина. И в этой тишине было слышно, как, трудясь, дышала машина, и было заметно, как вздрагивало от движения все огромное стопятидесятиметровое тело корабля.

Вдали на встречных и параллельных курсах также шли корабли. Поздно ночью — это было примерно в двадцати пяти — тридцати километрах от маяка — с борта мы увидели малюсенький парусник. Чтобы дать о себе знать, какой-то лихой индонезиец — это был, видно, рыбак — зажег на лодчонке костер. Корабль прошел вблизи этой лодчонки, и она медленно скрылась, растворилась в темноте ночи.

Утро следующего дня снова встретило нас ослепительным солнцем. По-прежнему море было величаво спокойным. Небо стало синим-синим. Часам к десяти на нем появились легкие белые облака. К этому же времени на горизонте показались идущие навстречу кораблю десятки рыбацких парусников. Когда мы приблизились, то на одной лодке отчетливо было видно и людей, и три старых заплатанных паруса. Для большей устойчивости параллельно бортам лодки во всю ее длину были укреплены бамбуковые шесты.

Нелегко труд рыбака. Каждый день с рассветом надо быть в море, а потом надо еще сбыть улов. Не экзотика и не романтика, а нужда гонит рыбака в море. Хорошо побывать в море ради удовольствия! Но когда надо идти каждый день в зной и в ветер, то такие походы становятся нелегким трудом.

«Партизан Бонивур» шел мимо небольших, прикрытых туманом гор. Иногда, приближаясь к кораблю, безмятежно резвились дельфины. Все ближе и ближе подходим к Сурабае. Все больше встречаем на пути рыбацких лодок и кораблей, и, указывая на то или другое судно, наш гостеприимный капитан рассказывает интересные истории и легенды.

Вот, например, идет навстречу корабль с голубой трубой. Для нас, людей, не посвященных в тонкости мор-

ского дела, это ничего не означает. А между тем голубая труба — целая история.

Было так: официанты, которые работали на судах, собрали деньги, организовали компанию и приобрели первый корабль. Трубу его окрасили в голубой цвет. Тогда такой корабль был одиночкой. Потом дело разрослось, и английская компания «голуботрубых», как ее поначалу презрительно звали «Лакейская», стала крупнейшей.

Есть корабли, на трубах которых изображена отрубленная кисть руки. Их легенда такова. Отец-судовладелец обещал отдать наследство тому сыну, который первым коснется рукой борта корабля. Сыновья рванулись по сигналу к кораблю. И когда один из них увидел, что отстает, то отрубил себе кисть руки и бросил ее в борт. Так этот сын выиграл спор, а с ним и наследство.

Не будем раздумывать над тем, насколько эта история правдоподобна. Но она символизирует алчность, которой до краев пропитан мир капитализма.

Рассказали нам в Индонезии истории и про наших моряков. Вот одна из них.

В годы минувшей войны советский корабль был атакован с воздуха авиацией противника и погиб. Было это у берегов Индонезии. Прошло немало времени, и на островах стали распространяться слухи о том, что в партизанских отрядах индонезийцев, действующих против оккупантов, видели белых людей. Через некоторое время разнесся слух, что эти белые пытались на лодках перебраться с острова на остров, но были замечены противником и атакованы.

А затем появились новые вести о том, что какая-то группа русских добралась до Явы.

Что же было правдой?

Уже в Москве мы узнали, что японцы действительно потопили наш корабль. Считали, что весь его экипаж погиб. Однако часть моряков сумела спастись. О них-то и шли рассказы.

Сурабая, куда мы прибыли, должна быть предметом отдельного описания. Сейчас надо лишь сказать о том, что здесь мы сели на самолет, который через полтора часа доставит нас на остров Бали.

Если бросить взгляд на остров Бали сверху, то он будет напоминать бесхвостую рыбу. Остров этот неболь-

шой: площадь его составляет менее шести тысяч квадратных километров.

...Посмотрим на наших спутников в самолете.

Большинство их — туристы из Соединенных Штатов Америки и из Европы. Вот благовоспитанный, аккуратно подстриженный мальчик в матроске, который отправился в путешествие, судя по всему, со своим дедушкой. Мальчик, конечно, думает, что Бали — сплошная экзотика. Это не так, но об этом мы расскажем позднее.

Вот группа женщин. Все они уже пожилые, достаточно худые; их не спасает ни модная прическа, ни применение косметики. Потом мы почти каждый вечер будем встречать их в ресторане, куда они будут приходить ужинать. Странно, но эти пожилые дамы к каждому ужину заказывают себе пиво и дважды на протяжении ужина — перед кофе и после кофе — с наслаждением, глубоко затягиваясь, курят крепкие сигареты.

В аэропорту нас ожидали друзья и знакомые. Предстоял путь на Кинтаман. Мы попрощались с тем, кто оставался в городе, и отправились дальше.

В темноте невозможно было разобрать, куда мы едем. Можно было лишь предполагать, что местами дорога очень трудная — и справа и слева еле угадываются ущелья, — местами плохая, потому что машину бросало из стороны в сторону.

Мы едем, не обращая внимания на состояние дороги, потому, что увлечены рассказами наших спутников. Их трое — все они индонезийцы, участники борьбы против голландских колонизаторов. Один воевал с оружием в руках до последнего дня войны. Два других в боях были захвачены в плен и провели годы в лагерях и тюрьмах.

— Нас били, нам не давали есть, но мы не сдавались, потому что знали — народ победит!

Все трое ненавидят продажное, чужое.

В одном месте и без того на узкой дороге нам встретился грузовик с бамбуком. С трудом мы разъехались. И хотя было темно, шофер сумел разглядеть, что грузовик принадлежит полиции. Не успели мы отъехать, как наши спутники разразились крепкими словами по поводу того, что встретился нам наверняка казнокрад — в такой поздний час не возят бамбук, да к тому же на полицейском грузовике. Ясно, что шофер везет бамбук для себя.

Было очень поздно, когда мы прибыли в Кинтаман. Усталые после дороги, мы поужинали, а затем еще долго беседовали со своими новыми знакомыми.

На другой день проснулись около шести часов утра, отдернули легкую занавеску и замерли, пораженные панорамой, раскрывшейся из окна. Не теряя ни минуты вышли на улицу.

В воздухе еще чувствовалась ночная прохлада, и крестьяне зябко кутались в свои легкие одежды. Трава, кустарник — все было покрыто обильной росой. Где-то внизу под нами курился густой туман. А прямо перед нами, казалось, совсем близко, предстали три горы: Батур — с действующим вулканом, Абанг — старший брат и Асунг — величественный.

Но вот из-за гор, которые в туманной дымке казались одетыми в какие-то желтые и фиолетовые кольца, выглянуло солнце. Оно брызнуло своими яркими лучами по зеленым склонам и стало медленно подниматься над их вершинами. Из горных впадин неторопливо стал выплывать серый густой туман, словно пытаясь смыть нежно-розовые и розовые краски, полыхавшие над вершинами. Но сил не хватало, туман не смог предотвратить наступление этого нового, радостного солнечного дня и рассеялся.

Но это была какая-то фантастическая по своей яркости картина. Она и сейчас, словно живая, встает перед глазами.

Вспомнились полотна знаменитого художника Н. Рериха. Пожалуй, впервые подумали мы о том, что, несмотря на всю необычность и яркость этих полотен, они уступают тому, что мы увидели в этот момент в природе.

Путь наш идет дальше — в глубь острова Бали.

«Последний рай на земле», — пишут о нем одни.

«Прекрасны танцы этого острова», — пишут другие.

«Бали — это экзотика», — пишут третьи.

Да, много на Бали прекрасного.

Но Бали — это не только экзотика!

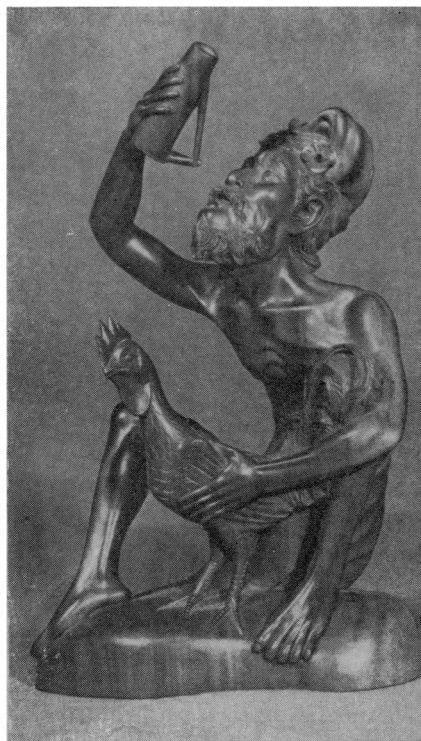
Кругом, куда ни взглянешь, — пальмы.

Кругом, куда ни взглянешь, — террасы рисовых полей.

Словно статуэтка, стоит на зеленой скатерти поля белая цапля.

Утки, движущиеся цепочкой вдоль дороги, под прищмотром мальчика с хлыстом.

Старик балиец с петухом.
Работа известного
мастера Роджа

Мифический орел
«Гаруда» —
герой индонезийской
мифологии

Рощи кофейных деревьев. На ветках — зреющие зерна кофе.

Множество храмов — стены их позеленил мох.

Целый день навстречу нам идут люди.

Женщины, несущие на головах ношу.

Мужчины с тяжелыми корзинами травы, огромными связками бананов.

Мальчуган с вязанкой хвороста, быстро семенящий своими темно-коричневыми ножками.

Подростки, пасущие буйволов. Тела животных туго налиты, а кожа блестит, словно смазанная глицерином.

И зелень, бесконечная в своем многообразии и яркости зелень.

И воды океана — то подбегаящие к дороге вплотную, то стыдливо прячущиеся за пальмовые рощи, то шумящие в седых, изъеденных морской водой рифах.

Бали — один из интереснейших островов Индонезии.

По утверждению историков, Бали много воспринял от индийской культуры и мало был затронут приходом в Индонезию ислама. На Бали индуизм дожил до наших дней.

История располагает небольшим количеством документов, рассказывающих о влиянии индийской цивилизации на жизнь Бали. Китайские источники упоминают об этом уже в VI веке, а индонезийские — несколько позднее.

Потом Бали испытал на себе влияние яванской культуры. Оно было особенно активным в XI веке. Скальные храмы Тампаксинг — одно из доказательств такого влияния.

Многие ученые утверждают, что древняя яванская культура сохранилась на Бали даже ярче, чем на самой Яве. В чем здесь дело? В конце XII века Бали отделился от Явы, воспользовавшись политической смутой, которая вспыхнула на этом крупнейшем острове. В XIV веке Гаджа Мада — первый министр королевства Маджапахит — вновь покорил Бали и создал здесь яванские поселения. В то время Гаджа Мада и не думал о роли, которую сыграют эти поселения для развития культуры Индонезии.

Настало время, и королевство Маджапахит пало. Многие произведения яванской культуры оказались ут-

рянными, и Бали вдруг явился их единственным хранителем.

В руки голландцев Бали попал поздней, чем другие острова. Многие балийцы с гордостью рассказывают о том, какое сопротивление оказывал Бали колонизаторам и как много голландских генералов и офицеров пало на острове от рук балийских повстанцев.

Поздняя колонизация также способствовала сохранению древнеяванской культуры на Бали в наиболее чистом виде. На Бали вы не можете не заметить того, что вся земля обработана. Высокая плотность населения и, следовательно, исключительное малоземелье привели к тому, что здесь дорожат каждым малюсеньким клочком земли. Всюду террасы рисовых полей. Они орошаются через целую систему ирригационных сооружений. Воду приходится делить между отдельными полями, между деревнями. Иногда деревни снабжаются водой из нескольких источников.

Здесь мы встречаемся с перенесенной на землю Бали идеей, заимствованной, очевидно, из индуизма. Если вы пойдете к кустарям, мастерам резьбы, то у многих из них увидите изображение Деви-Сри — жены бога Вишну. На Бали Деви-Сри олицетворяет богиню плодородия, символизирующую в рисе.

Мистика переплетается здесь с реальностью — с борьбой за рис. Забота о том, чтобы получить лишнюю горсть риса, переплетается с мистикой, рождающей богиню Деви-Сри.

На Бали много храмов. Они виднеются повсюду и бывают самого различного назначения: деревенские, домашние, посвященные ирригации, усопшим и другие. В горных районах есть храмы бога гор, а в районах, близких к океану, храмы бога моря.

В праздник Нового года, который, согласно балийскому летосчислению, проводится в январе, на берегу океана устраиваются большие народные гулянья с представлениями на религиозные темы. Во время таких гуляний много почета и внимания отдается богу моря — его надо уважать, его надо ублажать, чтобы он не принес несчастья, чтобы он дал людям добро.

По преданию, храм Тирта Эмпул около Тампаксинга имеет воду, которая якобы обладает свойством «живой воды».

Вот какую легенду слышали мы об этом.

Давно это было. Собрались однажды около источника воды боги и решили стать бессмертными. Но каким-то образом попала сюда, на это сборище богов, и Луна, хотя ее никто и не приглашал.

Известно, что Луна боится Солнца и она — враг Солнца.

Поэтому, когда кто-то вдруг заметил Луну, то воскликнул:

— Берегитесь, среди нас враг!

Но было уже поздно.

Бог Луны поднес к губам сосуд с омерой — живительной водой.

В этот момент кто-то из богов бросил в бога Луны свой нож и отрубил ему голову. Но оказалось, что капля живительной воды уже попала в рот Луны. И поэтому голова бога Луны хотя и была отрублена, но продолжала жить. Бог Луны негодовал. Он пользовался каждым мгновением, чтобы сделать неприятное Солнцу. Как только Солнце замешкается, бог Луны захватывает его и глотает. Но ведь голова бога отрублена и его рот не связан с желудком. Поэтому, когда бог Луны проглотит Солнце, оно мгновенно появляется снова.

Вот почему происходят в природе затмения.

Так объяснил нам рассказчик на Бали происхождение одного из явлений природы.

Часто можно встретить на дорогах девушек и женщин с ношей. Иногда они несут на голове корзины с цветами или фруктами. Для чего? Для того, чтобы принести жертвы богам, для того, чтобы боги были милостивы к людям.

Но Бали — не только экзотика!

И здесь мы снова вернемся к нашей первой ночи на Бали, проведенной в Кинтамане. Вы помните, мы приехали в домик у подножия трех гор. Здесь, хотя был и очень поздний час, нас ожидали сельские активисты различных организаций. Некоторые из них пришли сюда пешком или добрались на своих стареньких велосипедах через горы за много-много километров.

О эти милые радостные улыбки, восторженные лица!

Все трудности и невзгоды можно забыть ради таких встреч.

Индонезийцы многого ждут от Страны Советов. Они верят в советского гражданина. И разумом, и сердцем приняли они Ленина. В домике, где мы остановились, электричества не было. Комната освещалась обыкновенной керосиновой лампой, подвешенной под потолком. Свет был слабый, и поэтому в углах комнаты стояла темнота. Все мы расположились за длинным обеденным столом. Пожилой крестьянин в темной одежде, молодой человек в спортивной майке и служащий какой-то транспортной конторы с искренней сердечностью приветствовали нас, как дорогих гостей.

Но вот утихли первые радости встречи, на миг воцарилась тишина и потом полилась беседа.

— Аграрная реформа? Пока это еще только начало.

— Мы понимаем, конечно, что все сразу сделать нельзя, провести аграрную реформу не так-то просто.

Это говорит тот самый крестьянин в темной одежде, который нас приветствовал.

— Возьмите наш район, — говорит молодой энергичный крестьянин. — В нем сто двадцать тысяч батраков. А сколько еще крестьян не батраков, но не имеющих земли? Ведь в лучшем случае у многих балийских крестьян две-три сотых гектара. Вся земля пока что у помещиков.

В беседу вмешивается пожилой крестьянин с худым морщинистым лицом.

— Наш комитет, — рассказывает он, — предложил делить урожай пополам, то есть половину урожая должен получить помещик, а половину батрак, который на него работал. Но помещики даже и на такие условия не согласны.

Беседа идет непрерывно вот уже третий час и нет ей конца. Мы с удовольствием выпиваем по чашке горячего чая, а потом разговор продолжается еще более оживленно.

— Наш помещик, — говорит молодой человек в спортивной майке, — делает очень хитро. Он сам взялся разъяснять аграрный закон. Но ведь теперь в деревне немало людей, которые умеют читать. И когда мы послушали нашего помещика, то стали сомневаться, все ли он говорит правильно? Так ли написан закон, как разъясняет нам помещик?

— Поехали мы в город и в книжной лавке разыскивали закон. Что же оказалось? Помещик сообщил нам только то из закона, что было ему выгодно. В законе сказано, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, а помещик про это не говорил. В законе сказано, что нельзя заниматься эксплуатацией, а помещик об этом умолчал.

Было заметно, что все слушатели вдруг озадачены таким открытием. Удивление было и потому, насколько хитрым оказался помещик, и потому, насколько умна стала молодежь, которая отыскала закон и добралась до истины.

— Ну и как же быть? — после некоторого молчания спросил кто-то из темноты.

— Очень просто, — из такой же темноты, из другого угла, ответил другой, невидимый.

— Будем разяснять закон сами, у нас ведь есть и женские, и молодежные, и другие организации. Может быть, за это одного-другого и побьют, но ведь всех-то побить не могут!

Стало шумно, все заговорили сразу.

Нет, Бали — не только экзотика!

Мы снова вспомнили об этом, когда попали на конференцию крестьянских организаций.

Конференция уже закончилась, и вечер, на котором мы были, посвящался ее итогам. Нельзя было не обратить внимания на лозунги, которыми крестьяне украсили зал.

«Землю — крестьянам», — требовал огромный лозунг.

«Последовательно проводить земельную реформу», — призывал второй лозунг.

Здесь требуется дать маленькое разъяснение.

Когда в стране опубликовали аграрный закон, то помещики, почуяв недоброе, стали применять, иногда с помощью местной администрации, всякие хитрые уловки. Одни устраивали фиктивные свадьбы, раздели семьи. Другие также фиктивно свою землю кому-то передавали. Третьи наивно уверяли, что они даже не помнят, где расположены их земли.

О чем говорили ораторы на конференции?

Конечно, о земле, о помещиках, о недостатке риса, о крестьянской кооперации.

Нет, Бали — не только экзотика!

Женщина несет на голове кувшин воды за несколько километров не потому, что ей нравится такая экзотика.

Индонезиец не идет на берег океана нежиться на горячем балийском песке и купаться в океане не потому, что он не любит такую прелесть, а потому, что у него нет на это времени; ему надо думать не о морских купаниях, а о хлебе насущном.

Отсюда острая борьба. Множество замечательных людей целиком отдает себя этой борьбе. Вот стоит индонезиец Бандель Вирка — высокий, худой, тонкий, по-настоящему изящный. Его длинные пальцы — словно пальцы музыканта. Его черные волосы зачесаны назад, а под высоким лбом глубоко сидящие, задумчивые глаза.

На Вирке белая рубашка и серый старенький пиджак, под которым виден шарф. В горах прохладно.

Вирке около тридцати лет. С юношеских лет он ушел в революцию.

— Был момент, — говорит он, — когда мне надо было выбирать между школой и революционной работой. Я избрал революционную работу и потерял отца, потому что он не хотел мне этого простить.

Теперь нашего друга постигло новое несчастье. Он развелся с женой. У нее осталась их двухлетняя дочка. Такой человек, как Вирка, хотя он сам и не говорит об этом, не может не любить своего ребенка.

Многие месяцы Вирка работает, получая нищенскую зарплату, лишь сто пятьдесят — двести рупий в месяц.

— Это еще хорошо, — улыбаясь своими задумчивыми глазами, говорит он. — Хозяин, зная, в какой партии я состою, все-таки держит меня на работе. Другой мог бы и выгнать такого работника.

И вот недавно жена сказала Вирке, что она не в силах больше жить так, как они жили все эти годы: вечные скитания, вечная нужда, вечное недоедание. Они должны расстаться. Вирка ответил, что у него нет повода для развода, что он любит свою жену, горячо сочувствует ей и благодарит за поддержку.

— Так получилось, что снова я должен был выбирать между революцией и семьей и опять выбрал дорогу борьбы, — спокойно рассказывает Вирка.

На другой день, когда мы ехали в соседнюю деревню, он вдруг с грустью сказал:

— Да, теперь я уж, наверное, никогда не женюсь и никогда не будет у меня семьи.

На Калимантане

Мы отправляемся на остров Калимантан. Напомним, что при голландцах этот остров называли Борнео. Это один из крупнейших островов Индонезийского архипелага и третий по величине на всем земном шаре. В его рельефе преобладают сильно размытые горы, лишь в немногих местах сохранившие значительную высоту. Южную часть острова занимает обширная низменность с многочисленными реками и болотами — самая большая река острова Барито длиной более 600 километров.

На юге острова расположен центр этой части — город Банджермасин. На западе центром является город Понтианак. Внутри острова сеть дорог развита слабо. Западная и южная части практически между собой не связаны.

Сначала мы побывали на западе — в Понтианаке. Примерно в десять часов утра наш самолет приземлился недалеко от города. Так как ожидался приезд высоких гостей — руководителей республики, — на аэродроме было шумно и празднично. Стояли девушки в изумительно красивых, каких-то золотистых нарядах, мужчины — в темных и цветных костюмах. Отдельной группой в белых костюмах расположились представители гражданских властей. Вместе с ними — военные в обычной одежде защитного цвета.

— Подумать только: вот ведь куда занесло нас с Красной Пресни, — говорит наш спутник, — далековато! Да, в самом деле далековато.

В школьные годы Борнео рисовался нам таинственным и заманчивым островом, заброшенным среди безбрежных просторов морей, куда и попасть-то невозможно. Но вот, оказывается, попали!

По дороге, проложенной в зарослях, мы прибыли в Понтианак. Здесь стояла неимоверная жара. Всем существом ощущаешь заболоченность, густые испарения, высокую влажность. Воздух словно не вдыхаешь, а откусы-

ваешь. Впечатление такое, что попал в парную баню, только у этой бани нет ни стен, ни крыши: куда ни пойдешь — жара. Пот льется действительно градом, рубашку хоть выжимай. Сказывается, что через центр острова, почти рядом с городом, проходит линия экватора.

Еще одна очень важная и интересная подробность. Калимантан — самый крупный остров Индонезии. На его долю приходится более одной четверти всей территории страны. Ява занимает одну пятнадцатую часть территории. Однако на Яве живет примерно 60 миллионов населения. На Калимантане лишь около 4 миллионов человек.

Мы уже сказали, что в Понтианаке ждут важных гостей. Поэтому весь город принаряжен, имеет праздничный вид. Всюду транспаранты с приветственными лозунгами.

Улицы застроены двухэтажными домами, защищенными от палящих лучей солнца зеленью и глубокими террасами.

Вдоль центральной улицы, пересекающей Понтианак, с обеих сторон тянутся длинные и узкие канавы с водой. Через них к домам проложены узенькие мостики. В утренние часы здесь особенно оживленно: люди умываются, стирают белье, моют посуду.

Всюду множество молодежи, детей.

Вот идут большой группой даяки — они составляют значительную часть населения острова. Среди даяков есть племя ибсал. Мужчины этого племени татуируют себе шею и вырезают мочки ушей. Чем замысловатей татуировка, тем выше дается оценка такому искусству.

Вот подросток даяк. Черные волосы, черные выразительные глаза. В оттянутых мочках ушей — множество тонких колец из золота. За спиной в плетенке — бамбуковые трубки, наполненные водой.

Деревушки даяков располагаются чаще всего по берегам рек. Вид их необычен. Это всего один длинный дом, состоящий как бы из множества пристроек с общей галереей. Каждая новая семья делает себе пристройку. Иногда можно видеть дом, где есть и 40 и 60 дверей — по числу живущих здесь семей.

Большая заболоченность заставляет строить дома на сваях. Внизу, под домом, обычно размещается скот.

Идут малайцы со своим национальным оркестром. Одни из них в черных одеждах, другие — в ярких цветных костюмах. В давние времена малайцы с острова Суматра, бывшего центром, объединяющим почти всю Индонезию, вели активную торговлю, распространяя и свой язык. Так они проникли и на Калимантан.

Встречаем китайцев. Одна из китайских групп исполняет танец драконов — такой же танец приходилось нам видеть и в Пекине.

Находки китайских монет и фарфора позволяют утверждать, что китайцы бывали на Калимантане еще в давние времена. После даяков и малайцев по численности они занимают здесь третье место.

Понтианак основан давно, но город не имеет пока самого необходимого благоустройства. Да и было бы нелепо ожидать этого. Сюда приходили чтобы не давать, а брать, чтобы не строить, а грабить.

Времена изменились только теперь.

С нами в машине едет врач индонезиец средних лет, в очках, одетый в военную форму.

— Голландцев с плантаций выгнали совсем недавно, — вытирая пот и расстегивая воротник, рассказывает он.

Врач уходит в далекую историю, он полон воспоминаний и ненависти к колонизаторам. В сороковых годах прошлого века пришел сюда англичанин Брук. Авантюрист явился вовремя: султан Брунея не мог справиться с даяскими племенами, не пожелавшими платить дань.

Но сыны туманного Альбиона знали толк в грабежах. Бруку не стоило трудов убедить султана в том, что он приведет в чувство непослушных даяков. И Брук сделал свое дело, разгромил непокорных, но уходить не пожелал. Через некоторое время он уже объявил себя независимым раджей.

Но разве могли упустить свою добычу и американцы? Конечно, нет.

Вслед за англичанами на острове появился и консул США. Этот оказался еще прожорливее. Чисто консульских дел на Калимантане было не так много. Консулу оставалось только как-то убить время. Так он и сделал, занявшись созданием «Американской торговой компании Борнео». Золотая глотка этого нового ребенка оказалась

сильной. Во всяком случае султан вынужден был передать в полную собственность компании обширную часть княжества.

Колониализм!

Теперь очень часто употребляется это слово. Но мы даже не представляем себе полностью всю его страшную емкость: все ужасное и трагическое для многих народов определяется одним словом — колониализм. Постыдное прошлое умирает, оставляя после себя зловоление, грязь и кровь.

В Соло, городе на Яве, есть огромное медицинское учреждение. Здесь очень много людей со сложнейшими заболеваниями. Это обвинительный акт против империализма. Взрослые и дети, неспособные двигаться от момента рождения. Инвалиды, потерявшие руки и ноги в боях против колонизаторов.

Дети с пораженной нервной системой, неподвижно устремившие куда-то свой печальный взгляд, — в нем столько тоски, что нет слов описать.

Кто ответит за это?

Вы входите в парикмахерскую. Маленький, очевидно восьми-девяти лет, мальчик, худенький, в коротких штанишках подает мастерам горячую воду, подметает пол. Он кормилец целой семьи, потому что отец его умер.

Через звенящую, шумную улицу идет девочка лет десяти. На ее плече — сестренка; она так слаба и худа, что тельце висит, словно безжизненное.

В Индонезии благодатные земли, щедрое солнце, проливные дожди. «Тебе надо, человек, два, даже три урожая риса, возьми их и будь сыт и здоров», — говорит она, протягивая ему яркую зелень побегов риса. Но сегодня в этот благословенный край надо привозить ежегодно до одного миллиона тонн риса — своего урожая не хватает.

Колониализм — это чудовище, пожиратель людей, даже если он одет в ослепительную белую рубашку и самый изящный костюм, даже если на нем лучшие перчатки.

Многое надо теперь перепахивать в Индонезии; многое надо строить заново.

Не так давно в Понтианаке на специально расчищенной площадке происходила церемония символической забивки первых свай для новых сооружений: здания бу-

дущего университета, новых шоссежных дорог, рисоводческих хозяйств, водопровода.

Все эти стройки — лишь начало.

Калимантан обладает несметными богатствами.

Здесь расположены большие плантации каучука: под ними занято примерно 110 тысяч гектаров. Под плантации кокосовых пальм занято 70 тысяч гектаров. Здесь насчитывают более 15 миллионов кокосовых пальм. Западный Калимантан занимает второе место в стране по производству копры.

В Понтианаке была большая выставка. По ее экспонатам можно судить, что богатства острова действительно неисчислимы. Тем более обидно видеть картины, которые говорят о том, как задержал империализм экономическое и культурное развитие Индонезии. Вот ценнейшие ископаемые, а рядом с этим — кустарно сделанные вилы. В крае нет индустрии.

Так на каждом шагу.

Калимантан имеет огромные возможности для выращивания каучука, а статистическая таблица рассказывает о том, что производство каучука здесь в последние годы сократилось.

В чем же дело?

— Не налажена экономика, колеблются цены, много каучука вывозят контрабандой, — озабоченно говорит губернатор.

Сам он из даяков, и этим гордятся все на острове. Еще бы: когда это случалось, чтобы даяк был губернатором!

Демонстрируют древесину: образцы, имеющие в поперечнике почти метр, крепкие, как металл. Из них можно изготовить множество изделий. За лесными богатствами Калимантана охотятся японские предприниматели. Однажды ими был предложен проект соглашения, по которому японцы получали право беспрепятственной добычи леса. В оплату они передавали то оборудование, которое должно было быть завезено для лесоразработок. Проект предусматривал, что оборудование должно быть передано в собственность индонезийцам через пять лет с момента его доставки, то есть с начала эксплуатации.

Те, кто занимался проектом с индонезийской стороны, сделав экономические расчеты, пришли к выводу, что за пять лет японцы вывезут огромные богатства. И в

этот же срок завезенное ими оборудование — оно ведь будет эксплуатироваться, — придет в такое состояние, что механизмы уже перестанут быть механизмами, а окажутся, как говорил наш собеседник, «консервными банками». Индонезийцы отказались от этого невыгодно-го соглашения.

...Рыбные богатства.

В десятках аквариумов представлено множество разновидностей их: рядом — разнообразные рыбные консервы; различные макеты, сети и другие рыболовные снасти. Сколько в Индонезии можно ловить и перерабатывать рыбы!

Известно, что в Индонезии на таких островах, как Ява, огромная плотность населения — от трехсот до восьмисот человек на квадратный километр. Возникает необходимость более разумно распределить площади. Это даст возможность лучше обеспечить людей землей.

На выставке показан типовой поселок для переселенцев. Поселок очень хорош, удобен и недорог. По намеченным планам, на Западный Калимантан в ближайшие восемь лет будет переселено до двухсот пятидесяти тысяч человек.

Ох, как далеко Понтианак!

А может быть, теперь уж и не так далеко?

— Зайдите к нам в дом, просят пожилой индонезиец и его жена.

Мы воспользовались любезным предложением.

— Посмотрите эту фотографию. Видите этого мальчика с прической? Нет, не этого, а другого, повыше ростом, — вот он, рядом. Вы знаете, это наш сын. Его сейчас нет здесь.

Голосом, полным восторга, хозяин продолжает:

— Он в Москве, учится в Университете имени Лумумбы.

* * *

Утром проснулись рано, когда еще только начинало светать. До нашей комнаты доносилось осторожное шарканье босых ног, легкий стук ножа, еле слышный звон стаканов.

Ранним утром к хозяйке дома, матери шестерых детей, приходили соседки. Ей одной управиться было трудно. Нельзя было будить ни детей, ни гостей. А надо сде-

лать так, чтобы стол был накрыт белой скатертью и приготовлен рис, чтобы были свежие ананасы и бананы.

Еще бы: не в каждом городе бывают люди из страны Ленина! И пусть знают в этой далекой стране, что любовь к ним поселилась в сердце каждого индонезийца на огромном острове Калимантане, который расположен среди трех теплых морей на самом экваторе.

Из Понтианака мы направились на юг Калимантана, чтобы навестить советских специалистов, работающих на прокладке новой трассы. Оказалось, что наши соотечественники живут не так уж далеко: в новом городе Банджермасине, и добраться до них нетрудно.

Быстро пообедав, мы отправились в путь. Только выехали на загородную дорогу — начался ливень. Машина сбавила ход. Дождь заливал все, стоял сплошной стеной. Ехать можно было действительно лишь по-черепаши. К счастью, это продолжалось недолго. Ливень утих, и мы уже снова катили с приличной скоростью, разбрызгивая во все стороны красновато-желтые фонтаны воды.

Когда мы собрались ехать в Банджермасин, у нас были сомнения, отыщем ли мы наших строителей? Кто знает их адрес?

Но нам сказали:

— В Банджермасине вам любой покажет, где живут русские.

И вот мы уже въезжаем в город, и первый же встречный подробно указывает нам дорогу: прямо, потом у столба — налево, потом снова прямо, потом...

Мы подъехали к дому, который нам указали. Но вот беда — наши товарищи уже уехали отсюда. Не успел объявиться среди нас скептик, не успели мы даже и порассуждать о том, где нам теперь искать наших дорожников, как один из индонезийцев предложил:

— Позвольте, я сяду рядом с вами, и мы приедем к вашим русским — это нетрудно сделать.

Не прошло и десяти минут, как мы уже входили в дом, где расположились наши земляки.

Их было трое. Когда мы вошли, они заканчивали обед. Сначала они были удивлены, затем очень обрадовались. Вместе мы сели кушать компот из ананасов. Начались расспросы про Москву, какая там стоит погода,

верно ли, что скоро будет прямое воздушное сообщение Москва — Джакарта, и т. д.

Один из наших собеседников — Васенко, голубоглазый, светловолосый украинец. Он одет в майку и синие брюки.

— Все бывает, — рассказывает он. — Иной раз в джунглях вот такой парнишка встретится, — улыбается он и, напрягая мускулы, сгибая руку, очень образно показывает, каким могучим представляется в тропиках орангутанг.

Другой собеседник — Коля Баринов. Он в очках, в клетчатой рубашке-ковбойке, очень расторопный — типичный студент москвич. Приехал работать переводчиком и с жадностью — это видно по всему — вбирает в себя новые впечатления, познает совершенно иной мир.

Как и другие, Баринов ни на что не жалуется. У него только одно горе.

— Все письма получают, — говорит он, — а для меня восьмой месяц ни одного конверта...

Коля переживает это потому, что в Москве осталась у него любимая девушка. Друзья успокаивают его.

— Не горюй, — говорят они, — если бы случилось что-нибудь серьезное, обязательно известили бы, даже не письмом, а телеграммой. Если она не пишет, потому что плохая, — тогда о чем жалеть? А если она хорошая — все будет в порядке.

Есть свои трудности у Васенко. Когда он уезжал, жена была беременна. Родила сына, но ребенок умер. Отец его даже и не видел. Когда Васенко рассказывал об этом, веселье с его лица исчезло, и сразу стали заметны темные круги под глазами.

Еще один наш собеседник — Василий Тимофеевич Старков: худой, загорелый, жилистый, с маленькой щеточкой усов.

— Мы здесь — первые люди из Советского Союза, — рассказывает Василий Тимофеевич.

— На Первое мая собрали своих коллег. Позвали двадцать человек, а пришло четверо больше. Но все-таки мы справились, все было хорошо.

— Как живем? Как вам сказать? Трудности есть, но мы не унываем. С прокладкой трассы уложимся в срок. Заросли дремучие — иной раз в день не больше двухсот метров пробьем.

— Когда бываем свободны, прогуливаемся до причала, видели там, на реке? Дойдем, как говорим, до своей отметки, выкурим по сигарете — и обратно.

— Теперь стало веселей — получили проигрыватель, пластинки, с газетами дело налаживается.

Они скупно цедили слова о своей работе. А когда мы вернемся в Джакарту, индонезийцы скажут, что советские специалисты работают на Калимантане «до полусмерти». В устах индонезийцев — это высшая похвала.

Мы прощаемся.

Дорожники стоят на пороге дома и долго-долго машут руками.

Заодно надо рассказать и про советских агрономов. Они приехали на остров, чтобы отобрать подходящие земли для создания государственного рисоводческого хозяйства и составить необходимые расчеты.

В отдельных районах на Калимантане еще действовали мятежники. Власти, беспокоясь о советских людях, дали для них охрану. Прошло несколько дней — и охрану пришлось снять: узнав, что приехали советские агрономы, местные крестьяне стали сопровождать их чуть ли не толпами.

Потом наши агрономы стали замечать, что вокруг облюбованных для будущего хозяйства участков появляется все больше и больше колышков с дощечками, на которых написаны фамилии крестьян.

— В чем дело? — спросили у них.

— Мы знаем, — ответили крестьяне, — что советские люди будут строить здесь рисоводческое хозяйство. Но машины будут обрабатывать землю и для крестьян. Если будет помогать Россия, значит мы также получим хороший урожай риса. Вот поэтому мы и спешим занять участки около этого хозяйства.

Эти крестьяне еще далеки от пониманий идей социализма: они даже по-настоящему и не представляют себе, что такое социализм. Но они уже знают, если что-либо делают советские люди, значит, будет хорошее, доброе и полезное для них дело.

Возвращаясь обратно в Джакарту, мы проделали часть пути вверх по реке Барито. Река эта — могучая и широкая. По ее берегам теснятся пальмы. Иной раз деревья стоят около самой воды, и волны нежно обмывают

их стволы. Тогда вспоминаешь наши раскидистые ивы где-нибудь в Подмоскowie.

Гладь реки сверкает необычно. Пароходы на ней большие, белые, словно какие-то огромные птицы. Когда в одном месте оказалось сразу несколько пароходов, стало особенно заметно, как сильна и велика эта река. Всем пароходам хватило места.

Пароход плывет в джунглях мимо острова, где расположен огромный обезьяний заповедник. Над волнами старой и вечно молодой Барито летают быстрокрылые птицы. И здесь, в этой тишине, уже раздаются новые голоса, слышатся новые слова, новые песни.

Завтра мы окажемся на набережной Банджермасина. Соберется огромная толпа. Сначала это будут дети; потом станут подходить взрослые, чтобы узнать про Москву, про советскую страну. А на прощание старая женщина по-мусульмански благословит нас, а молодой индонезиец, застенчиво улыбаясь, приведет к нам своих четырех любимых сыновей, одетых в одинаковые красно-белые костюмы.

На Сулавеси

В первой половине дня на самолете индонезийской компании «Гаруда» мы прилетели на остров Сулавеси.

Вечером во дворце губернатора был прием.

Во время торжественной церемонии к террасе вместе с другими индонезийцами подошел очень старый человек — отец Пакехсам. Лицо в морщинах, узкая и длинная борода седая. На голове традиционный индонезийский головной убор. Одет отец Пакехсам в старый темный мундир с блестящими пуговицами.

Подойдя к террасе, он без посторонней помощи поднялся вверх по ступенькам и передал президенту красно-белый национальный флаг республики — символ борьбы за свободу Западного Ириана.

После этого снова без посторонней помощи, лишь изредка придерживаясь за перила высохшей коричневой рукой, старик спустился вниз.

Все его шумно приветствовали.

Отцу Пакехсаму — 150 лет!

Образ великана
из древней
индонезийской
мифологии

Обезьяна с детенышем.
Искусство народных мастеров
Бали

Во времена борьбы против голландских колонизаторов — это было давным-давно — Пакехсам был военачальником. От тех времен и остался у него мундир, в котором он пришел сегодня на праздник. А пуговицы на мундире старика блестели, как новые, потому, что внук его, у которого уже был полон дом своих детей, целое утро чистил каждую пуговицу толченой красной черепицей.

Много знает отец Пакехсам — его и теперь иногда привозят в казармы, чтобы он рассказал истории, которыми набита его память.

...Аэродром, на котором сел наш самолет, носит имя Хасануддина. Университет в Максассаре тоже носит имя Хасануддина; студенты университета, также как и студенты других индонезийских университетов, носят белые костюмы и черные шапочки с цветным верхом. Каждый факультет имеет свой цвет.

Чем же прославил себя Хасануддин, если его именем называют и аэродром, и университет, и дивизию?

В далекие времена — это было в XVII веке — голландская Ост-Индская компания дралась за пряности сказочных Молуккских островов, а Молукки — соседи Сулавеси.

Голландцы запретили султану острова Хасануддину торговать с Молукками. Они пытались лишить его возможности развивать Сулавеси так же, как они хотели заставить жителей Молуккских островов отдавать пряности голландским купцам.

Но Хасануддин был человек с характером. Он не послушался голландцев, а сговорился с раджей Талло.

— Почему бы нам не выступить вместе, — говорил султан, — и не проучить этих господ? Пусть они боятся нас и дрожат перед нами, как лист на ветру.

Они создали вооруженный флот, в котором насчитывалось сто парусных лодок, и направили его к берегам Амбона на Молукки. В конце марта 1653 года — этот день отмечен в календаре индонезийцев — флот появился у берегов Амбона.

Произошло сражение двух флотов. Ни та, ни другая сторона не одержала победы в этой схватке. И все-таки можно было считать, что голландцы потерпели поражение; ведь прежде на Молукках не было такого, чтобы индонезийцы били колонизаторов. Землетрясения в Ин-

донезии бывали, но чтобы индонезийцы подняли руку на колонизаторов — этого не было. Когда индонезиец встречал на дороге белого человека, он становился на краю дороги на колени и отворачивал лицо — в знак безмолвной покорности.

Даже голландцы вынуждены были назвать Хасануддина «боевой петух Востока».

Прошло более трех лет со дня памятного сражения. В конце 1666 года голландцы послали под командованием Спеелмана эскадру к берегам Южного Сулавеси.

Флот подошел к острову и встал в макаassarской бухте. Спеелман потребовал извинений от султана и заявил, что Хасануддин должен просить прощения у голландского правительства. Но Хасануддин ответил, что никакого прощения просить не будет, что прощать его не за что, потому что он ни в чем не виноват.

Спеелман отплыл ни с чем.

Прошел еще год. Получив дополнительную помощь, Спеелман пошел вдоль берегов Сулавеси, истребляя все на своем пути, а в качестве опорного пункта построил форт.

Однако и это не остановило борьбу.

— Когда один падал, на его место вставал другой, — говорит отец Пакехсам окружившим его слушателям.

— Форт этот был где-то в тех местах, — показывает отец Пакехсам сухим коричневым пальцем в сторону моря.

— Позднее туда привезли и нашего Дипонегоро, — продолжает старик, вспоминая другого героя индонезийской борьбы, — там он и умер семидесятилетним стариком.

— А вот я задержался, уже две жизни прожил, — смеется он и вытирает слезящиеся от яркого солнца глаза.

Отец Пакехсам устал; он уходит в тень, под навес из циновок.

Рассказ продолжает молодой полковник в стальных очках с модными усиками под широким носом. Уже в наше время колонизаторы преследовали за малейшее непослушание. Они чинили на острове жестокую расправу и перебили больше сорока тысяч индонезийцев.

— Все было очень просто, — сурово говорит полковник, — человека убивали, чтобы не возиться с ним:

с пленными для колонизаторов, по их мнению, было слишком много хлопот.

Сил народа оказалось больше, чем сил колонизаторов. Но как теперь, так и в те времена палачи и угнетатели, меняя один костюм на другой, пытались прятать свое подлинное лицо.

Когда нельзя было больше открыто выступать против народа самим, колонизаторы стали создавать отряды мятежников. Почти шесть лет, до 1946 года, здесь разжигал вражду чистенький и аккуратный, получивший европейское образование Вестерлинг. Это был ловкий шпион и провокатор. После неудач Вестерлинг исчез. Но через четыре года он вновь появился — уже на Яве, в Бандунге. Однако и отсюда ему пришлось бежать.

Где-то вы теперь, господин провокатор, каким воздухом дышите и в каких джунглях прячетесь?

Последний след Вестерлинга заметили в Соединенных Штатах Америки. Во всяком случае, когда Сукарно по приглашению Эйзенхауэра ездил в США, то там была распространена фотография Вестерлинга. Это было сделано для того, чтобы его могли опознать полиция и охрана. Фото было вроде удостоверения о том, что изображенного на снимке субъекта надо весьма остерегаться.

У каждого человека свой путь в жизни.

Древнейший старик отец Пакехсам идет в старом мундире с начищенными пуговицами к солнцу, к свету, а шпион и провокатор Вестерлинг прячется от дневного света — его можно разыскать только по фотографии.

...История перекликается с современностью.

В Покатто, небольшом городке Южного Сулавеси, есть кладбище Героев. Здесь господствует тишина. Кладбище окружено плотной серой стеной. На внутренней стороне стены — таблички с именами погибших.

Ида Багус Виену — родом с острова Бали, год рождения 1927. Погиб в борьбе против мятежников 23 мая 1961 года.

Аригад — солдат военной полиции, погиб 14 мая 1961 года.

Рой Барсони — погиб 20 мая 1961 года.

Каждая табличка имеет свой номер, а всех номеров — 95.

Но кладбище есть не только в Покатто. День героев 10 ноября отмечают по всей Индонезии. Минута молча-

ния бывает на каждом собрании. Память о погибших живет в каждой деревне, в делах народа, руки которого освобождены от цепей.

...Аэродром, на котором сел наш самолет, расположен примерно в двадцати километрах от административного центра Южного Сулавеси — Макассара. Мы едем в город по черному, расплавившемуся от зноя асфальту. Справа и слева зеленые площадки рисовых полей; они здесь просторнее и шире, чем на Яве.

Ближе к Макассару появляется все больше новых домов. Вот здание, отмеченное военно-морским флагом Индонезии, — это госпиталь. Дальше мы видим здания табачной и спичечной фабрик.

Наш попутчик рассказывает, что в этих краях всего лишь полтора-два года назад не было ни дорог, ни рисовых полей, ни новых домов. Было много мятежников, и они не давали жителям покоя.

Теперь более восьми тысяч мятежников Южного Сулавеси прекратили борьбу. Среди них снискавший себе горькую славу большой отряд Кахара Музакара. Больше тысячи человек из этого отряда теперь работают шоферами, кондукторами, рабочими на автобусной станции в Макассаре.

Дома на Сулавеси разные. Чаше встречаются простые хижины бедняков — четыре столба со стенами из циновок. Впереди — нечто вроде узкой террасы. Внутри — скромная обстановка.

В доме полутемно: ведь его предпочитают строить среди деревьев, окружить бананами, чтобы таким образом защититься от зноя.

Иногда встречаются дома двухэтажные. Первый этаж предназначен для скота и домашней птицы. На второй этаж дома, где располагается жилая часть, ведет деревянная лестница. Окна в доме небольшие, чаще всего незастекленные. На всякий случай они имеют мелкую решетку. Стеклить окна незачем — надо заботиться не о тепле, которого здесь больше чем достаточно, а о том, как бы избавиться от тепла.

В Финляндии, например, окна делают большими, стремятся избегать даже оконных переплетов, потому что там охотятся за каждым лучом солнца. А здесь окна нужны лишь для того, чтобы было светло, но не для того, чтобы ловить лучи солнца.

К концу 1961 года население Сулавеси составляло 6 миллионов человек. Люди занимаются здесь чаще всего крестьянским трудом. Но есть кустари и рыбаки. Проживающие здесь бугисы, как правило, занимаются рыбной ловлей. Они имеют небольшие легкие лодчонки, снабженные для большей устойчивости балансом, — обыкновенными бамбуковыми шестами, укрепленными по бортам лодки. Утверждают, что на этих лодочках можно переплыть океан, дойти даже до Африки. Что касается Филиппин, то для бугисов это не больше чем окрестность.

Макассар — крупнейший порт восточной части Индонезии. Сюда идет копра, различные специи, кожа, трепанги, панцири черепах. Из Макассара эти товары идут в другие районы Индонезии и в Сингапур.

Являясь административным центром, Макассар представляет как бы всю часть Южного Сулавеси. Но здесь можно найти и то, что характерно для некоторых других частей Индонезии.

В городе нет музеев, но можно пойти в большие магазины, в некоторой степени как бы заменяющие музеи.

Вот художественно выполненный, сплетенный из нитей серебра, миниатюрный корабль с мачтами и парусами.

Портсигар из конского волоса, раскрашенный в разные яркие цвета, твердый, словно фанера, портсигар из тончайших веток орхидей.

Вот пенал, искусно сделанный из бамбука, с изображением на нем сцен из народной жизни, украшенный красным и черным орнаментом. Это мастерство кустарей Макассара.

Желтыми, черными, оранжевыми шарфами ручной работы представлено искусство женщин Тораджо.

Миниатюрное изображение оленя из белого перламутра; олень пасется около зеленой пальмы. Это искусство мастеров Молуккских островов.

Музыкальные инструменты, характерные для Сулавеси, флейты, барабаны, погремушки из кокосовых орехов, огромные лампы-ночники из раковин — один из многочисленных даров моря, обработанный рукой неизвестного мастера-художника.

Но если рассказывать только о Макассаре, то не хватит места и времени для рассказов о других местах.

И вот мы едем по дорогам Южного Сулавеси.

А дорога — это нечто вроде визитной карточки района.

Идет с полей крестьянин. На плечах у него соха. Это кусок дерева с большим корнем. Корень — своего рода лемех, которым и пахут землю. Сзади крестьянина — мальчик лет десяти, его сынишка. Он гонит перед собой пару медлительно-спокойных буйволов. Мокрая кожа их сверкает на солнце.

Недалеко от дороги на поле — целые стаи черных цапель. Идет дождь, и цапли стоят под дождем, словно скорбившиеся католические монахини.

Обгоняя крестьян, поднимая колесами целый фонтан воды, спешит куда-то на велосипеде солдат.

Два молодых человека в одинаковых коричневых кожаных куртках также едут на велосипедах. Они о чем-то так увлеченно разговаривают, что не обращают никакого внимания на дождь.

В одном месте проезжаем линию водоемов, примыкающих непосредственно к морю. Водоемы перекрыты земляными барьерами. Здесь разводят рыбу.

Дорога обсажена деревьями. На стволах некоторых деревьев широкие белые кольца — знак, предупреждающий шоферов об опасности.

Часто встречается нипа — один из многочисленных видов пальм. Нипа — высокое дерево, имеющее листву только на самой вершине. Она дает небольшие, но очень вкусные орехи.

Дорога продолжает жить своей жизнью.

Едет на велосипеде крестьянин. Он везет в корзине такое множество кур, что трудно даже себе представить, как он сумел их туда запихать. Навстречу едет другой крестьянин. Он везет на велосипеде длинные бамбуковые шесты.

Идет молодая женщина с густо намазанным лицом. Наш спутник поясняет:

— Она недавно вышла замуж. Никто, кроме мужа, не должен знать, как она красива. Поэтому женщина должна скрывать свое лицо. Таков местный обычай.

Так добираемся мы до города Парепаре, расположенного в 150 километрах к северу от Макассара. Мы попали сюда в дни, когда Индонезия жила борьбой за освобождение Западного Ириана.

Идем по улице маленького городка и непрерывно встречаем мужчин и женщин, одетых в одинаковую форму — гимнастерки и береты защитного цвета или в костюмы из синего легкого материала.

— Кто эти люди? — спрашиваем мы.

Оказывается, это добровольцы, которые в течение шести месяцев учились военному делу на случай отправки на Западный Ириан.

— Сколько же таких людей в городе? — спрашиваем мы.

— Свыше двадцати тысяч, — с гордостью отвечает наш попутчик.

Жителей в Парепаре — шестьдесят шесть тысяч.

На девять часов утра назначен митинг. Но как раз в это время пошел сильнейший дождь. Часть людей разбежалась со стадиона и укрылась под крышами ближайших строений. Но большая часть, вымокнув буквально до нитки, продолжала стоять. А дождь был такой, что мгновенно образовывались лужи. Окружающие стадион деревья исчезли, скрытые потоками воды. Дома расплылись, потеряли свою форму, — они были едва видны за стеной дождя.

И вдруг словно совершилось чудо. Дождь перестал лить, из-за туч выплыло солнце, и вымокшие до нитки люди радостно запели песни революции.

Куда бы вы ни попали в этот день, везде с вами будут говорить о вчерашнем и завтрашнем дне страны — о старом и новом, об угнетении и свободе, о бесправии и праве, о несчастье и счастье.

— Мы не забудем о том, что голландцы называли индонезийцев нацией кули, — говорит, бледнея от ненависти, молодой офицер из дивизии Хасануддина. Он изящен, тонок; мускулы его лица нервно подергиваются.

— Если вспомнить, что при голландцах грамотные составляли лишь шесть процентов от всего состава населения Индонезии, а теперь их насчитывается свыше 70 процентов, то легко можно сказать, какая жизнь лучше.

Это говорит молодой учитель застенчивого вида, в больших очках, в белоснежной рубашке с выцветшим и потертым галстуком.

— Сейчас даже трудно представить, что во всей Индонезии прежде было только одиннадцать студентов

индонезийцев. Теперь, когда мы изгнали голландцев, у нас в университетах больше ста тысяч студентов. И это сделали не «цивилизованные» голландцы, а свободные индонезийцы.

Это говорит декан медицинского факультета университета в Макассаре.

Старое не уходит сразу, на большие перемены в жизни народа требуются годы. В Индонезии старое еще нередко уживается с новым. Поэтому в стране говорят о борьбе не только с империализмом, но и с остатками феодализма.

В небольшом тихом городке Бонтайне, расположенном примерно в ста двадцати километрах к югу от Макассара, индонезийцы впервые видят советских людей.

— Скажите, — спрашивает молоденькая девушка, возможно, школьница, — как я могу поступить в Университет имени Лумумбы?

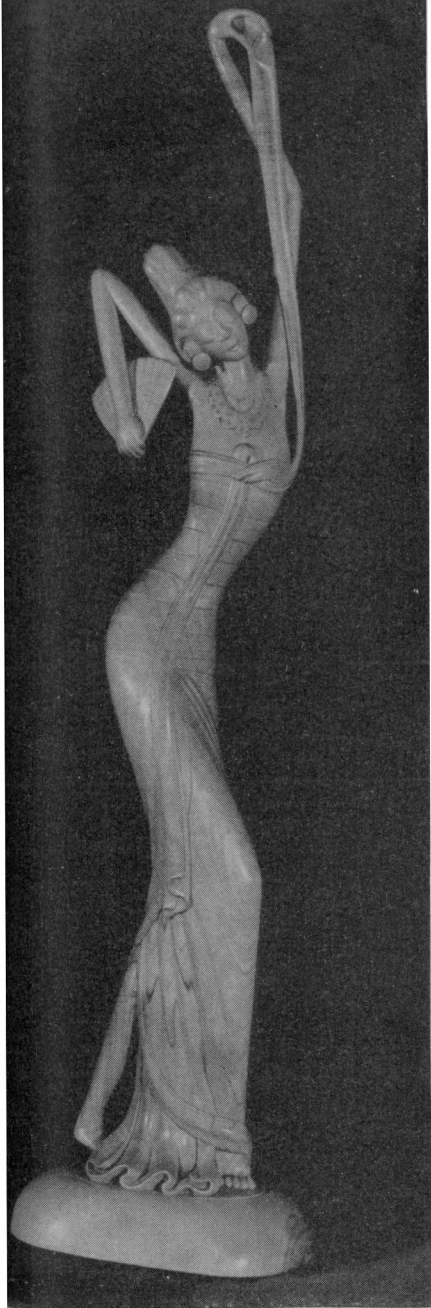
Мы рассказываем, как можно поступить в университет, и удивляемся, каким образом за десять с лишним тысяч километров от Москвы в небольшой городок на острове Сулавеси пришло сообщение о том, что в Москве есть Университет имени Патриса Лумумбы? Все объясняется просто. Молодежь, которая уехала учиться в Москву, пишет оттуда письма родным. А эти новости сразу становятся известными для всех.

Однажды нашим попутчиком был молодой врач индонезиец. Среди нас, советских людей, также оказался человек, знающий медицину. Он начал рассказывать своему коллеге о новых открытиях советской медицинской науки.

Индонезиец скромно и внимательно выслушал сказанное, а затем сам с огромным увлечением стал рассказывать многие подробности: и о последних операциях советских хирургов в области сердца, и о новых методах хранения и переливания крови, и о новых медицинских препаратах, созданных в Советском Союзе.

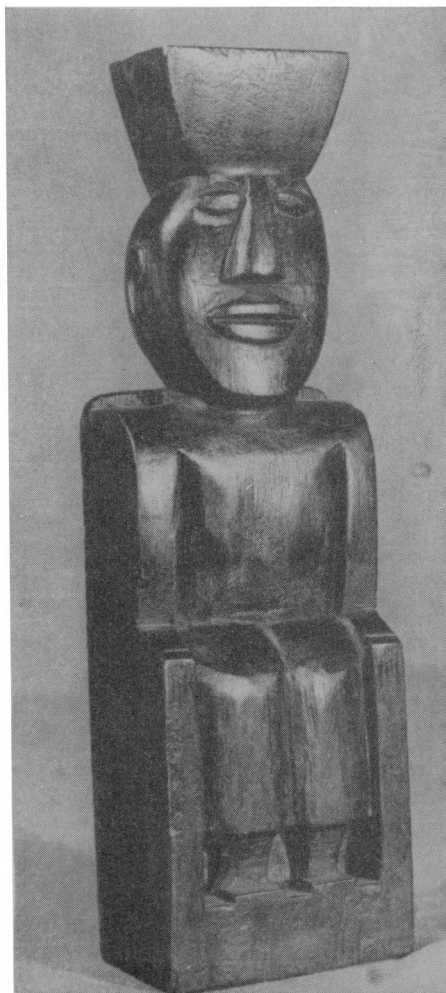
— Каким образом вы получаете сюда советские медицинские журналы? — спросили мы своего спутника, удивленные тем, насколько хорошо знает он многое о советской медицинской науке.

— К сожалению, — с горечью ответил он, — я не получаю ни одного советского журнала.

Танцовщица
(остров Бали)

Мужской портрет.
Искусство батаков
(Суматра)

— Но откуда же вы знаете то, о чем так хорошо рассказали?

— О, это очень просто объяснить, — ответил он. — Я подписываюсь на некоторые американские журналы. Эти журналы стремятся узнавать то, что происходит у вас, и публикуют об этом статьи. Так я узнаю о медицинской науке в вашей стране.

В городах Сулавеси, в которых мы бывали, порой не оказывалось гостиниц. В таких случаях гостеприимные индонезийцы распределяли всю нашу компанию по частным домам.

Мы не забудем то радушие, гостеприимство и трогательную заботу, которую проявляли к нам наши хозяева. Если мы приходили поздно вечером, то нас ожидали, чтобы подать приготовленный ужин. А еще задолго до рассвета можно было услышать осторожный шорох босых ног по полу, легкий скрип дверей. Это женщины, встав до рассвета, старались приготовить своим гостям вкусный завтрак. На столе оказывались жаренная по-индонезийски с обильным количеством перца курица, свежий нежный крупук, приготовленный из мельчайших рачков, жареная и вареная рыба, овощи и многое другое.

Однажды хозяином нашего дома был ректор университета — старый, выдавший виды, исколесивший много стран человек. Его жена — уже пожилая женщина — передвигалась с трудом и большую часть времени проводила в старинном удобном кресле, сидя на подушках. Но старая женщина не утратила интереса к жизни и всегда была окружена книгами и журналами.

Как-то мы задержались и возвратились домой очень поздно. Несмотря на это, большой дом ректора был весь освещен. На его карнизе в честь гостей были зажжены даже гирлянды разноцветных лампочек.

Когда мы тихо, боясь нарушить покой хозяев, открыли дверь, чтобы войти в дом, то услышали знакомую музыку: звучали отрывки из «Лебединого озера» Чайковского.

— Это для вас, — улыбаясь сказал хозяин.

Полные чувства благодарности за уважение к советской стране, вошли мы в дом старого ректора. И здесь увидели, что жена ректора, одетая в платье с отделкой из богатых пожелтевших от времени кружев, сидит на подушках в своем старинном кресле и улыбается нам.

Был первый час ночи.

Обычно ректор и его жена шли отдыхать в половине десятого вечера. Такой режим они уже давно выработали для своих преклонных лет и всегда его соблюдали.

В эту ночь они решили его нарушить.

На Суматре

Суматра — огромный остров, протянувшийся с севера на юго-восток на 1750 километров. Узкий Зондский пролив отделяет Суматру от Явы, Малаккский — от Малайи и Сингапура.

Теперь, когда мы попали на Суматру, очень далекий Сингапур оказывается совсем рядом. И даже само это звонкое слово — Сингапур здесь начинает звучать почти обычно. К тому же рассказ губернатора Суматры в некоторой степени стирает с названия Сингапур его экзотику. Губернатор говорит о том, что близость этого города имеет свое неудобство для Суматры: много каучука уходит с острова в Сингапур контрабандными путями, а это, естественно, подрывает экономику.

Остров Суматра разделен пополам экватором.

Многим богат остров: нефтью, природным газом, углем, золотом, серебром, плантациями каучука, табака, масличной пальмой.

Здесь есть горы, сплошь покрытые джунглями, влажные тропические леса, бурные реки, прекрасные озера. Здесь сохранились слоны, тигры, носороги, лемуры.

Как описывали Суматру голландцы?

Одно из последних изданий энциклопедии Нидерландской Индии было завершено накануне второй мировой войны.

В нем читаем:

«В настоящее время малое число жителей на острове объясняется прежде всего такими серьезными заболеваниями, как натуральная оспа, малярия, брюшной тиф, проказа и туберкулез. Из-за отсутствия медицинской помощи многие люди погибают и от менее серьезных заболеваний».

Это то, что оставили Индонезии колонизаторы.

Как на Яве, так и на Суматре каждый клочок земли

отвоеван у джунглей, полит потом индонезийского крестьянина.

Суматра покрыта рисовыми полями. Рис разделяется на затопливаемый (по-индонезийски — савах) и суходольный (гого).

Если первый возделывается при искусственном орошении — в Индонезии, как правило, за счет собирания на полях дождевых вод, — то второй возделывается без искусственного орошения.

В Индонезии большинство полей затоплены водой. Здесь преобладает культура затопливаемого риса — саваха, которым занимают более трех четвертей всей площади посевов. Это ценнейшая продовольственная культура, главная пища многих народов Юго-Восточной Азии, в том числе и индонезийцев.

Вот они, эти террасы рисовых полей, — одна над другой. Узенькие тропки разделяют поле; тропки настолько малы, что на них еле уместится ступня, слышится шум бегущей воды, орошающей поля. Поля, покрытые темной водой, сменяет изумрудная, блестящая от яркого солнца зелень первых всходов; мощная желтоватая стена созревающего риса.

Чего стоит рис крестьянину и его семье?

Посмотрите на его руки! Вода промыла в них каждую морщинку, каждую складку. Солнце отполировало эту коричневую кожу до блеска. Сколько раз эти тонкие, коричневые руки держали самодельную соху на утренней заре! Сколько раз встречал этот крестьянин, как и миллионы подобных ему, розовый утренний рассвет! Идет в это утро крестьянин за парой буйволов, утопая по колени в жиже, с трудом вытаскивая из нее ноги и обливаясь потом. Позднее на поле придут женщины. Согнувшись, часами они будут ухаживать за рассадой, поправляя, окучивая каждое растение. И только, когда станет нестерпимо жарко, по узеньким тропинкам они отправятся домой.

Затем настанет пора созревания. Тогда надо смотреть в оба и оберегать зерно от птиц — они-то хорошо знают пору созревания. Вы видите, вокруг всего участка натянута старая проволока? На ней, словно украшения, навешаны консервные банки всех цветов — голубые, желтые, красные. Стоит показаться любителям рисовых зерен, как сидящий в тени караульщик дернет веревку —

и начнется такой трезвон, что крылатый воришка со страху улетит в синие горы или в темные джунгли.

Наступает уборка. С утра желтое поле покрывается красными, синими, зелеными, розовыми пятнами. Это женщины вышли на уборку. Огромные, величиной с хороший зонт, соломенные шляпы укрывают их от жары.

Медленно, шаг за шагом, продвигаются труженицы по полю, собирая драгоценные растения в снопы; будет в доме рис, будет и все остальное.

Теперь надо перенести снопы домой. Чаще всего, вооружившись коромыслом, крестьянин несет тяжелые снопы на своих плечах. Он идет по узеньким, влажным и скользким от воды тропкам, ступая своими разбитыми, не знающими обуви, ногами.

Так по всей Индонезии.

Рис — радость крестьянина, счастье народа.

В честь риса в древние времена приносили жертвы. В честь риса поют песни. С древних времен индонезийцы сохранили множество танцев, прославляющих это маленькое зернышко, в котором заключено тепло и сила жизни, радость завтрашнего дня и спасение от многих болезней.

С 1945 года существует республика Индонезия. За эти годы сделано много. Но не все приходит сразу. Невозможно за короткие годы полностью изменить то, что колониализм насаждал столетиями.

— Посмотрите, пожалуйста, — говорит наш спутник индонезиец, когда автомобиль проезжает мимо окрашенной в красно-желтый цвет автозаправочной станции компании «Шелл».

— Такие картины можно видеть по всей Индонезии.

Едем дальше — и видим фирменные магазины обувной компании «Батя», хозяин которой сбежал из Чехословакии. Таких иностранных компаний, фирм в Медане насчитывается более трехсот пятидесяти.

Медан расположен на реке Дели. Река глубокая, и в ее устье могут входить даже морские пароходы. К морю город выходит через порт Белован. Это достаточно большой порт. Около него — множество железнодорожных линий со снующими по ним грязными, старой окраски, товарными вагонами. Асфальт так нагрелся, что чувствуется, как во время тихого хода он липнет к баллонам

автомашины. Все вокруг наполнено запахами масел, бензина, расплавленного асфальта, каких-то специй.

Вокруг порта много лавок и лавочек, дешевых ресторанов и закусочных. Приближается пора обеда, и летучие закусочные уже окружаются рабочим людом. Это главным образом грузчики, одетые в истрепанные трусы и рваные, вылинявшие рубахи.

В порту, в некотором роде неожиданно, мы встречаем несколько французов. Они гостеприимно приглашают нас выпить фруктовой воды. Откуда-то появляется проигрыватель, и вот уже Ив Монтан поет про французского солдата, про Париж, про несбыточные надежды.

Между прочим, впервые французы пришли на Суматру в 1529 году — вслед за португальцами. Тогда они были здесь на положении колонизаторов — богатство Суматры притягивало их к себе.

Французы, которых мы видим теперь, выступают здесь в новой роли — в качестве строителей, занятых расширением порта. Контракт, который предложила им фирма, выгоден, так почему же не поехать на Суматру?

Медан был основан в 1864 году. Первоначально здесь было лишь несколько кампунгов, то есть деревень, расположенных по берегам реки Дели.

Принято считать, что Медан вырос на табаке. Первая концессия под табачную плантацию была подписана в 1864 году. Вслед за этим появились другие табачные плантации, принадлежавшие голландцам. Меданский табак очень высокого качества. Теперь наш спутник кубинец, привыкший у себя на родине к сигарам, покупает здесь, в Медане, сигары коробку за коробкой — так они пришлись ему по вкусу.

Медан развивался медленно. Раньше других крупных строений здесь появилась мечеть. А первая больница была построена лишь через двадцать пять лет после основания города.

Во времена голландского господства возможности индонезийцев получить образование были более чем ограничены. В Медане было очень мало школ для индонезийских детей.

Теперь представитель мэра с восторгом говорит нам о том, что в городе появилось множество новых школ.

— Во всяком случае, как мы продвинулись вперед,

вы можете судить по тому, что у нас сейчас учеников уже более пятидесяти тысяч, — рассказывает он.

Медан город очень чистый, в нем много зелени. Красивые дома с глубокими террасами, создающими тень, с замечательной зеленью перед этими террасами, с каннами, поражающими размером цветка и яркостью окраски, с миниатюрными водоемами, с могучими деревьями, под кроной которых можно разместить целую компанию. Особенно много маленьких парков, цветников, теннисных кортов, баскетбольных площадок, заросших плющом, защищенных естественной стеной насаждений. Этого, правда, не скажешь про старую часть. Здесь все серо: серая мостовая переходит в серые асфальтовые дорожки для пешеходов. Из этих серых дорожек словно вырастают серые стены домов, как правило, двухэтажных.

В первом этаже — лавочки, магазины, мастерские кустарей, на втором этаже — жилье. На террасах и балконах полно детей, женщин. Вся старая часть города словно большой беспорядочный универмаг, составленный из карликовых магазинчиков.

Встречают нас радушно. Охотно рассказывают об обстановке. С мятежниками на Суматре покончили недавно. В районах, которые долгое время находились в их руках, предстоит много работы.

— Многие мосты и дороги, — рассказывает высокий пожилой офицер с седеющими висками и острыми морщинами в уголках глаз, — разрушили мятежники. Наступает пора работы школ, а многие школьные здания разбиты.

— Но восстановить мосты и починить школы, — улыбается он, — все-таки легче, чем воевать против мятежников.

В Медане часто задают вопрос:

— А как дела с Асаханом?

В центральной части Суматры находится высокогорное озеро Тоба. Со всех сторон оно окружено живописными скалистыми горами, сквозь которые из озера по узкому ущелью пробивается река Асахан, впадающая в Малаккский пролив.

Суматра располагает большими запасами бокситов, но заводов, где можно было бы перерабатывать это ценное сырье, нет. По просьбе правительства молодой рес-

публики Советский Союз решил помочь Индонезии построить на Суматре Асаханский комбинат.

Асаханский комплекс — это гидроэлектростанция, линия электропередачи, железная дорога, алюминиевый комбинат. Электростанция рассчитана на мощность в 120 тысяч квт. Примерно половину этой энергии будет потреблять комбинат, другая часть ее пойдет для Медана и новых промышленных предприятий. Асаханский комбинат будет давать ежегодно десятки тысяч тонн алюминия. Индонезия станет хозяином своего богатства, сама будет производить алюминий и распоряжаться им.

Наступал вечер. Закрывались последние магазины. На улице уже не видно прохожих. Затихал шум моторчиков, которые в Медане в отличие от Джакарты широко применяют бечаки.

Разговор про Асахан, про государственные плантации, которые должны работать лучше, чем плантации частных предпринимателей, про дороговизну, когда рабочему трудно даже рис купить, продолжался, несмотря на поздний час.

— Дело пойдет лучше, мы в этом глубоко убеждены, — говорил один из местных профсоюзных работников, молодой человек с черными живыми глазами, невысокий, одетый в белую рубашку с расстегнутым воротом.

— Лишь бы нам не мешали новые колонизаторы, все эти господа советники, эксперты, пророки «свободного мира», — продолжал он.

— А какая река больше — Волга или Муси? — спрашивает нас юноша индонезиец.

Река притягивает к себе людей. Они хотят пользоваться ее щедрыми дарами, заставить ее работать на себя, двигать корабли, танкеры, баржи. Им хочется любоваться ее красотой, провожать взглядом убегающие в бесконечную даль желтые волны, встречать на реке расцвет и провожать порой розовый, порой полыхающий огнем или серый, в дождливых тучах, закат.

Мы плывем на пароходе, и вокруг нас толпы лодок и лодчонок с подвесными моторами. Одни из лодок — щеголихи с синими или красными бортами; другие — труженики, борта которых, словно руки рабочих, в ссадинах, трещинах, пропитанных маслом и бензином; тре-

ты — шустрые ловкачи, готовые быстро доставить вас в какой-нибудь пункт на берег.

Оставляя позади пенистый белый хвост, несется глиссер.

Словно выпрыгивая из воды, летят скутера.

И вся эта трескотня моторов, и обилие судов и суденышек, и огромные белоснежные баки на берегу, и корпуса нефтеперегонных заводов — все это говорит о том, что Суматра одно из богатейших нефтяных месторождений в Индонезии.

Пароход плывет мимо мощных предприятий компаний «Станвак» и «Шелл». Они здесь — монополисты.

По-английски «Шелл» означает «ракушка».

Первоначально компания «Шелл» появилась как предприятие, занятое добычей жемчуга. Позднее компания превратилась в нефтяную. И теперь, лишь как память о днях ее рождения, всюду на рекламах, на автозаправочных станциях компании «Шелл» изображается ракушка.

Палембанг стоит на берегу Муси. Это большой и очень оживленный город. В лучших для жизни местах — прекрасные бассейны, водные станции, стадионы, удобные и уютные домики.

Но вот потянулись низкие хижины, появились скученность, бедность, тяжелые запахи, словно вы попали в другой мир. Здесь ютится трудовой люд.

Едва закончилась вторая мировая война, как уже через два месяца представители американских компаний принялись восстанавливать нефтяные предприятия на Суматре. К середине 1948 года эти предприятия достигли уровня довоенного производства.

Производство продолжало расти. И теперь компании США занимают в нефтяной промышленности страны господствующее положение.

Трудно бороться против колониализма.

Его гонят в дверь — он лезет в окно.

Нас знакомят с бывшим директором голландской нефтяной компании. Он еще молод, в меру упитан; его пухлые розовые щеки выбриты, галстук тщательно подвязан, а костюм — образец аккуратности.

— Плохо теперь ваше дело, — подшучивают над директором, намекая на то, что правительство Индонезии порвало отношения с Голландией, и теперь для голланд-

ской нефтяной компании исключена экономическая деятельность на земле индонезийцев.

— Пустяки, — понимая, о чем идет речь, говорит директор, и его розовые щеки расползаются в улыбке.

— Какое, в конце концов, имеет значение, будет ли у нас голландская, или американская, или английская вывеска? Важно, чтобы не уменьшились доходы.

В один из дней часть пассажиров нашего корабля поднялась раньше обычного в состоянии некоторого возбуждения.

— Если они это сделают, кто будет управлять предприятием? — почему-то горячился облезлый джентльмен с явно покрашенными в темный цвет волосами.

— Да, да, кто будет управлять? — поддакивал ему другой, в темных очках.

— У них, — зная продолжал он, — есть всего лишь один инженер-нефтяник из индонезийцев.

— Ну и что же, — говорит человек с болгарским акцентом, высокий, стройный, горбоносый. — Индонезийцам могут помочь и Советский Союз, и Румыния.

— А куда индонезийцы будут девать нефть? — спрашивает пассажир в темных очках.

— Надо уйти отсюда, пусть индонезийцы сами попробуют управлять нефтью — веселая будет история, — добавляет он и хохочет.

— Мрачная будет история, — зло говорит облезлый.

— Не беспокойтесь, — с невеселым юмором откликается один из пассажиров, уже успевший основательно хлебнуть виски, — они только и ждут, когда мы отсюда двинемся. Без нас они превосходно справятся с этим делом.

Все это мы вспомнили в Джакарте, некоторое время спустя. Мартовским утром отправляли отсюда первую группу молодежи в Советский Союз для обучения нефтяному делу.

Молодежь чувствовала себя весьма возбужденно, хотя и старалась скрыть это. Все эти молодые люди — их было около 40 человек — ехали в Советский Союз впервые и не знали, что их там ожидает. Но все они были настроены замечательно. И, как торжественно говорил один из них, они готовы были служить своей родине!

Вернемся, однако, к путешествию по Суматре.

Спустя некоторое время после спора о нефти источник возбуждения был обнаружен.

У кого-то на корабле оказался портативный приемник. С помощью его ночью принимали последние известия австралийского радио. В них-то и сообщалось о том, что Индонезия якобы намеревается взять нефтяные богатства в свои руки и вытеснить концессии.

Индонезия якобы намеревается — и этого было достаточно, чтобы вспыхнула дьявольская работа. И вот уже индонезийцы атакованы.

Кто-то предлагает увеличить проценты за право получать нефтяные концессии от Индонезии. Кто-то обещает им оказать так называемую продовольственную помощь. Кто-то грозит, что Индонезия не получит ни мешка риса, если она будет сопротивляться.

Еще в давние времена прокатывались по Суматре крестьянские восстания. Тогда эти восстания не имели успеха.

В 1933 году голландцами были схвачены индонезийские патриоты и заточены на острове Флорес. Среди них был и нынешний президент Сукарно. В 1938 году Сукарно перевели на Южную Суматру и здесь держали в заключении до 1942 года.

В том же, 1942 году Суматра пережила японскую оккупацию.

И снова на острове шли восстания, и деревни были в огне пожаров.

Наконец родилась республика — и Суматра стала ее составной частью. Но и голландские колонизаторы предприняли еще одну попытку создать на острове марионеточное государство — независимую Суматру. Эта попытка провалилась. Новый хомут одеть не удалось.

Чудесна Южная Суматра, край каучука и кофе, нефти и бокситов, перца и кокосового ореха, гвоздики и ванили.

Западный Ириан

Много говорят о Западном Ириане. Однако для некоторых недостаточно ясно, что это за территория и где она расположена.

Если посмотреть на карту мира, то в юго-западной части Тихого океана можно увидеть остров Новая Гви-

нея. Западный Ириан занимает почти половину всей территории этого острова. Площадь Западного Ириана — 413 тысяч квадратных километров, то есть равна примерно территории всей Франции. А Голландия в двенадцать раз меньше Западного Ириана.

Первые колонизаторы появились в Индонезии еще в начале XVI века. Это были португальцы. За ними появились голландцы. Народ Индонезии много раз восставал против непрошенных гостей. В одном лишь XIX веке в стране было двадцать семь крупных восстаний. Долгая и упорная борьба против колониального гнета закончилась провозглашением независимой республики Индонезии.

Однако на Западном Ириане еще продолжали существовать колониальные порядки. Форма правления здесь ничем не отличалась от той, которая ранее была установлена колонизаторами для всей Индонезии. На Западном Ириане сохранялись в силе многие законы, которые были изданы еще во времена голландской Ост-Индской компании.

Во главе всей административной власти стоял губернатор. Он не нес никакой ответственности перед населением; не обязан был выслушивать чьи-либо советы, включая и так называемый Ново-Гвинейский Совет.

Этот «Совет» был создан в феврале 1961 года для того, чтобы убедить общественное мнение, будто жители Западного Ириана — папуасы — сами управляют своими делами.

На самом деле губернатор Западного Ириана, назначенный Голландией, ответствен был лишь перед короной. В официальных источниках подчеркивалось, что даже голландский парламент не может непосредственно руководить губернатором.

На Западном Ириане существовали две системы образования: западная — для белых и так называемая общая — для местного населения. В общих школах, уровень которых соответствовал трем классам обычной школы, едва насчитывалось пять тысяч детей ирианцев.

Представители капиталистических фирм предпочитали нанимать рабочих по контрактам в глубинных районах острова. Обычное явление, когда законтрактованные рабочие, приезжая в города, даже не знают заранее ни условий работы, ни оплаты своего труда.

За три года — с 1953 по 1956 — колониальные власти израсходовали на строительство административных зданий и жилых домов для голландских чиновников 32 миллиона 440 тысяч гульденов. За это же время на строительство домов для ирианцев было израсходовано всего 2 миллиона 575 тысяч гульденов — почти в тринадцать раз меньше.

Ирианцы получали нищенскую заработную плату. Они были бесправны с точки зрения самых элементарных требований охраны труда.

Голландские и другие империалисты рвались на Ириан потому, что страна эта богата сырьем, что сюда можно было с большой выгодой вкладывать капиталы. Дешевый труд, выгодные условия для торговли, низкие налоги, беспрепятственные возможности для перевода прибылей за границу — все это подогревало аппетиты империалистов.

«Поселился на берегу реки — не бойся наводнения», — говорят индонезийцы, а они-то хорошо знают, что происходит, когда река бушует. Индонезия ничего не боялась — вызов был сделан, оставалось готовиться к схватке с вооруженными силами Голландии.

Каждому — свое. Весна — время любви и счастья. Для народа Индонезии весна 1962 года была весной тренировки мускулов.

Волны народного гнева не знают границ. Когда наступает пора борьбы, у народа оказывается сил вдесятеро больше, чем в мирные дни.

И вот уже началась выброска парашютных и морских десантов. И все чаще движение на дорогах останавливали грузовики с людьми в зеленых гимнастерках. И все чаще видели мы то, что в сводках называют морским транспортом — безграничная синь моря, бегущие спокойные волны и уходящие вдаль корабли. На палубах у перил — фигуры индонезийских солдат. Один из них уселся на корме у самого флага, подпер рукой подбородок и о чем-то думает. Бежит из-под винта седая пена, чайки непрерывно кружатся над ней — и все дальше уходит берег с красной черепицей крыш домов военного поселка, с зеленоватой линией гор на горизонте.

Наступал июль, в разгаре был сухой сезон. В руках партизан были уже десятки населенных пунктов Западного Ириана.

Борьба стоит больших жертв. Не хватает риса; надо урезывать и без того недостаточные средства, отпущенные государством на капитальное строительство; надо нести дополнительные расходы на армию, вооружение, на обучение гражданского населения, на необходимую военную подготовку. Кто к этому вынуждает? Кто виновник того, что народ должен нести дополнительное бремя? Кто вынуждает индонезийца держать сегодня в одной руке мотыгу, а в другой винтовку?

В такой обстановке начались и проводились переговоры между Индонезией и Голландией о Западном Ириане.

Твердая и решительная политика индонезийского правительства, поддержанная Советским Союзом, странами народной демократии и всем прогрессивным человечеством, вынудила голландских колонизаторов отступить и передать республике Индонезии управление Западным Ирианом.

* * *

Известно, что северо-восточный берег Новой Гвинеи с некоторых пор называется берегом Маклая.

В 1870 году выходец из семьи инженера из Новгородской губернии молодой русский ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай на судне «Витязь» направился к берегам Новой Гвинеи. В наше время самолеты за несколько часов покрывают большие расстояния без посадок. Москва — Хабаровск, Москва — Гавана — это теперь обычные перелеты, совершаемые за десять-двенадцать часов. Военный корвет «Витязь», на борту которого отправился в Тихий океан Миклухо-Маклай, вышел из Кронштадтского порта 8 сентября 1870 года, долгие месяцы бороздил океан и только через триста сорок пять дней бросил якорь в заливе Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи.

Много месяцев Миклухо-Маклай прожил среди местных жителей острова — папуасов. Только из уст этого русского ученого и из его дневников в Москве, Париже, Лондоне и во всем мире узнали о далеком острове Новая Гвинея и его обитателях.

Жители залива Астролябии ранее никогда не общались с другими народами, и путешественник увидел здесь нетронутым первобытный образ жизни. В своих дневни-

как Миклухо-Маклай подробно и с большой теплотой рассказывает о быте и нравах обитателей острова, о том, как они обрабатывают землю, охотятся, как обучают своих детей, строят пироги, выделывают из коры материю.

Миклухо-Маклай с большим уважением относится к папуасам, называет их умными, добрыми и мягкими людьми, искренне любит их стройностью, ловкостью движений, радуется их честности, понятливости и смелости.

Папуасы залива Астролябии были людьми каменного века: они рубили деревья каменными топорами, не зная даже сохи, размельчали землю чуть ли не голыми руками.

Русский ученый, подробно описав физический тип папуасов, отверг распространенное в то время в науке мнение, будто папуасам присущи какие-то «особые» свойства, характерные для «низших рас». Миклухо-Маклай разоблачает бредовые расистские теории, которыми впоследствии пользовались оголтелые фашистские варвары.

Миклухо-Маклай, зная, что «просвещенные» белые еще занимаются работорговлей, решил предупредить своих друзей папуасов о грозящей им опасности, сказал, что эти люди могут увести их в неволю.

«Я посоветовал им никогда не выходить навстречу белым вооруженными и никогда даже не пытаться убить пришельцев, объясняя им всю силу огнестрельного оружия сравнительно с их копьями и стрелами. Я посоветовал им для предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать женщин и детей в горы».

В 1887 году Миклухо-Маклай писал:

«Истребление темных рас есть не что иное, как применение грубой силы, и каждый честный человек должен осудить ее или, если может, восстать против злоупотребления ею».

Когда читаешь эти письма и дневники, то поражаешься тому, с какой страстностью Миклухо-Маклай боролся против намечавшейся колонизации Гвинеи, с каким жаром отстаивал независимость папуасов, с какой точностью описывал он то, что их ожидало в случае прихода колонизаторов.

Прошло три десятилетия, и весной 1910 года в заливе Астролябии появился другой белый человек. Это был

офицер голландской армии Заксе. Цели его были иные, чем цели нашего соотечественника.

Перед строем своего военного отряда Заксе поднял над Ирианом государственный флаг Голландии «на вечные времена».

Так на целые десятилетия остановилась здесь жизнь. И кто посчитает, сколько обманутых надежд, несбывшихся мечтаний погибло на Западном Ириане, какое море слез выплакали здесь женщины! Сколько тысяч жителей было истреблено кровавыми колонизаторами!

Теперь колониальному разбою, самоуправству и издевательствам над жителями Западного Ириана пришел конец.

Последний голландский солдат в ноябре 1962 года покинул Западный Ириан. На рассвете 1 января 1963 года, раньше чем успел пропеть петух, как говорят в Индонезии, в Котабару, административном центре Западного Ириана, был снят трехцветный флаг голландских колонизаторов и на флагштоке был поднят ало-белый флаг республики Индонезии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дыхание тропиков

<i>Джакарта</i>	5
<i>Портрет</i>	15
<i>Случай на улице</i>	16
<i>Цветок красной орхидеи</i>	17
<i>Пропасть</i>	19
<i>Идут дожди</i>	21
<i>Встреча с молодежью</i>	23
<i>Бандунг</i>	28
<i>В конце февраля</i>	32
<i>Чимлати</i>	33

Продолжайте борьбу

<i>Паттимура</i>	34
<i>Дипонегоро</i>	37
<i>Выдумка и быль</i>	39
<i>В горах</i>	40

Это не экзотика

<i>Поездка на Бали</i>	44
<i>На Калимантане</i>	55
<i>На Сулавеси</i>	64
<i>На Суматре</i>	74
<i>Западный Ириан</i>	82

Николай Александрович Александров

МОРЯМИ ТЕПЛЫМИ ОМЫТАЯ

Редактор *П. Н. Бурлака*

Младший редактор *В. А. Мартынова*

Художник *Л. М. Шаров*

Художественный редактор *А. Г. Шикин*

Технический редактор *Р. С. Васькина*

Корректор *О. П. Горшкова*

Т-11402. Сдано в производство 26/III 1963 г.

Подписано в печать 16/VIII 1963. Формат 84×108¹/₃₂.

Печатных листов 2,75+вкл. 0,25. Условных листов 4,92.

Издательских листов 5,13.

Тираж 57 000. Цена 22 к.

* * * *

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Отпечатано в Московской типографии № 5 Мосгорсовнархоза

Москва, Трехпрудный пер., д. 9. Зак. 1124

22 коп.

ГЕОГРАФИЗ · 1963